

Русский фольклор

Песенки

«Лиса рожью шла...»

Лиса рожью шла,
Лиса грош нашла.
Лиса мыльце купила,
Лиса рыльце умыла.
Волк шел стороной,
Лиса улицей,
Волк пел петухом,
Лиса курицей.
Волк саночки купил,
Лису в санки посадил.
Не доехав до села,
Лиса выскочила.

«Чигарики-чок-чигары...»

Чигарики-чок-чигары,
Комарики...мухи-комары.
Чигарики-чигарок,
Повалился комарок.
Со дуба на пенье,
На сыро коренье.
Прилетели мухи,
Мухи-горюхи,
Подхватили комарочка,
Доносили до дубочка.
Посадили на дубок
Под зелёный листок:
- Сиди...Отсидивайся!

«Зима пришла...»

Зима пришла,
В сани коней запрягла,
В путь-дорожку вывела.
Лед на речке вымела,
С берегом связала,
К земле приковала.
Снег заледенила,
Милых ребят,
Красных девчат
На ледянки усадила,
На салазки уложила.

Лихо с горы прокатила!

«Идёт матушка весна...»

Идет Матушка-весна, отворяйте ворота!
Первый Март пришел, всех детей провел.
А за ним – и Апрель отворил окно и дверь.
А уж как пришел месяц Май, сколько хочешь гуляй!
Идет Матушка-весна по полям-лесам одна.
Первый раз прощается,
Второй раз запрещается,
А на третий раз не пропустим вас!

«Когда солнышко взойдет, роса на землю падет...»

Когда солнышко взойдет,
Роса на землю падет,
Пастух выйдет на лужок,
Заиграет во рожок.
Хорошо пастух играет,
Выговаривает:
- Вы гоните-ка скотину
На широкую долину,
На широкую долину,
На большую луговину.

Календарные обрядовые песни

«Коляда! Коляда! А бывает коляда...»

Коляда, коляда!
А бывает коляда
Накануне Рождества!
Коляда пришла –
Рождество принесла.

«Коляда, коляда, ты подай пирога...»

Коляда, коляда,
Ты подай пирога,
Или хлеба ломтину,
Или денег полтину,
Или курочку с хохлом,
Петушка с гребешком!
Отворяйте, хозяева, сундучки,
Вынимайте пяточки!
По копейке давайте

Колядовщикам!

«Как пошла коляда...»

Как пошла коляда
Вдоль по улице гулять,
Вдоль по улице гулять,
С Новым годом поздравлять!

- Коляда, коляда,
Где ты раньше была?

- Я в поле ночевала,
Теперь к вам пришла!

Здравствуй, хозяин
С хозяйшкой,

На долгие века,
На долгие лета!

Сейся, родися,
Жито, пшеница,
Ячмень, овес, гречка,

Горох, чечевица,
На Новый год!

Будьте здоровы,
Счастливы будьте!

Живите без бед
Много лет!

Новый год пришел,
Старый угнал,

Себя показал,
Иди, народ,

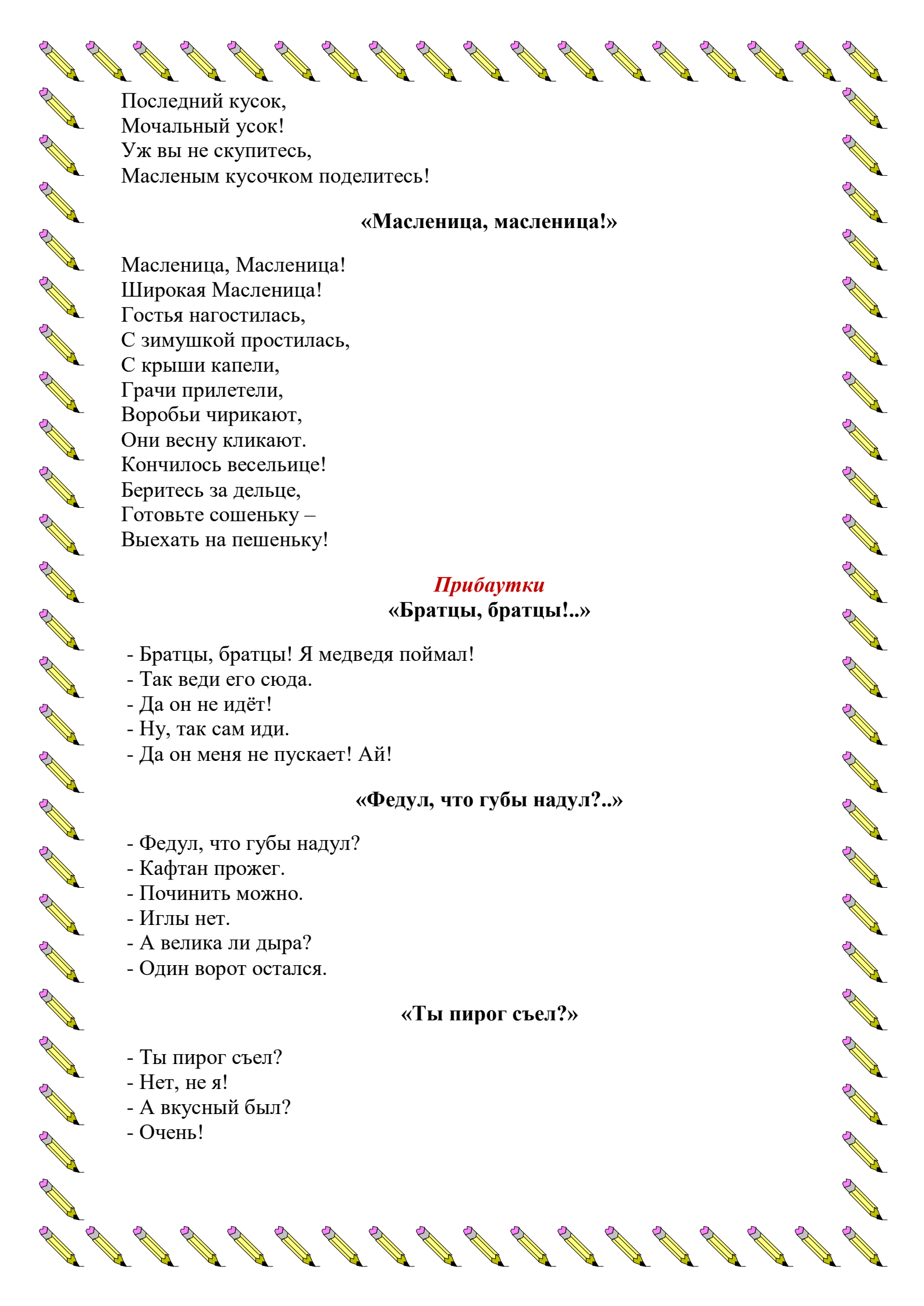
Солнышко встречать,
Мороз прогонять!

«Как на масляной неделе...»

Как на масляной неделе
Из печи блины летели.
И сыр, и творог –
Все летело за порог.
Весело было нам!
Достанется и вам!

«Тин-тин-ка...»

Тин-тин-тинка,
Подайте блинка,
Оладышка-прибавишка.

Последний кусок,
Мочальный усок!
Уж вы не скупитесь,
Масленным кусочком поделитесь!

«Масленица, масленица!»

Масленица, Масленица!
Широкая Масленица!
Гостя нагостилась,
С зимушкой простилась,
С крыши капли,
Грачи прилетели,
Воробьи чирикают,
Они весну кликают.
Кончилось весельице!
Беритесь за дельце,
Готовьте сошеньку –
Выехать на пешеньку!

Прибаутки

«Братцы, братцы!..»

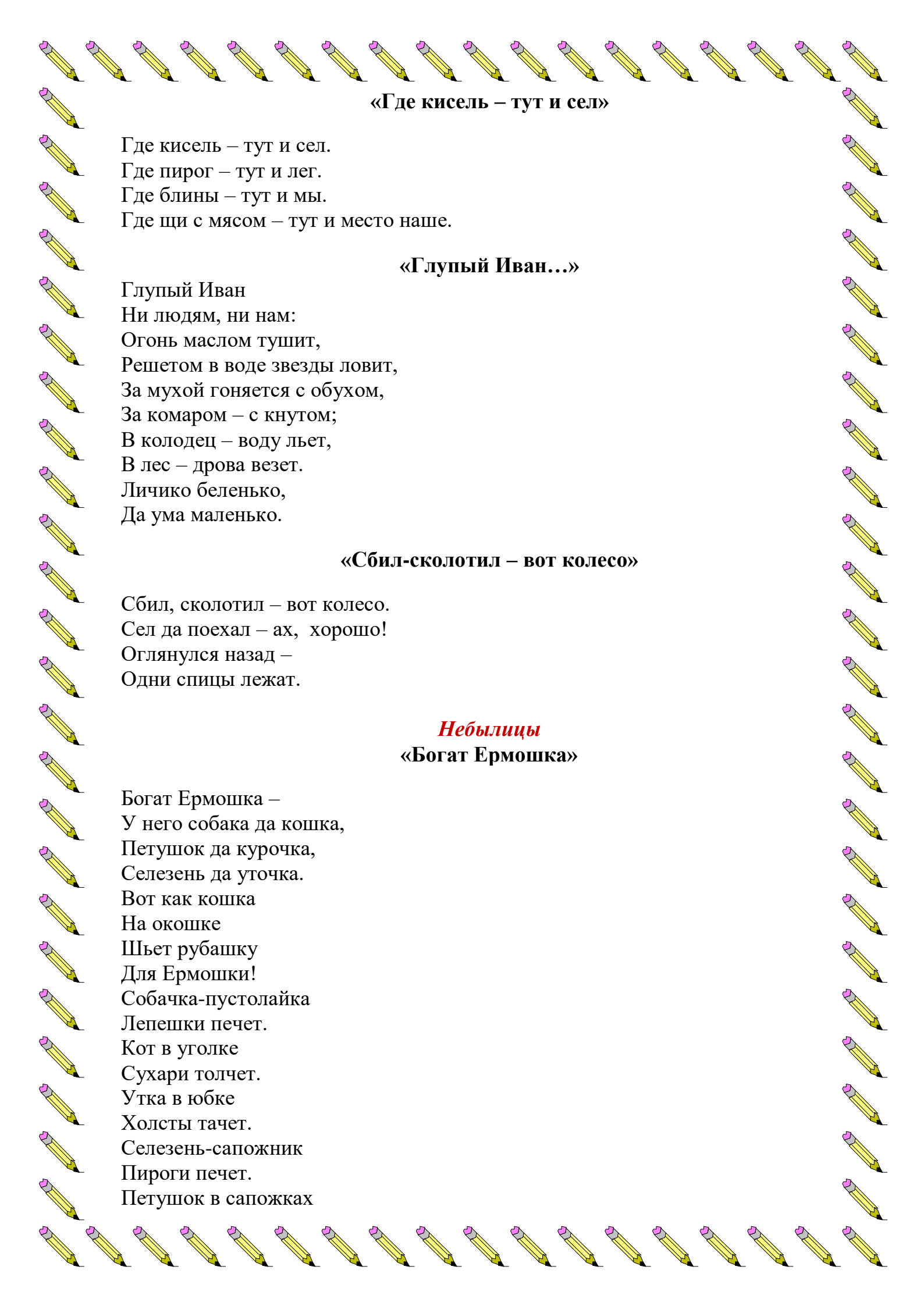
- Братцы, братцы! Я медведя поймал!
- Так веди его сюда.
- Да он не идёт!
- Ну, так сам иди.
- Да он меня не пускает! Ай!

«Федул, что губы надул?..»

- Федул, что губы надул?
- Кафтан прожег.
- Починить можно.
- Иглы нет.
- А велика ли дыра?
- Один ворот остался.

«Ты пирог съел?»

- Ты пирог съел?
- Нет, не я!
- А вкусный был?
- Очень!

«Где кисель – тут и сел»

Где кисель – тут и сел.
Где пирог – тут и лег.
Где блины – тут и мы.
Где щи с мясом – тут и место наше.

«Глупый Иван...»

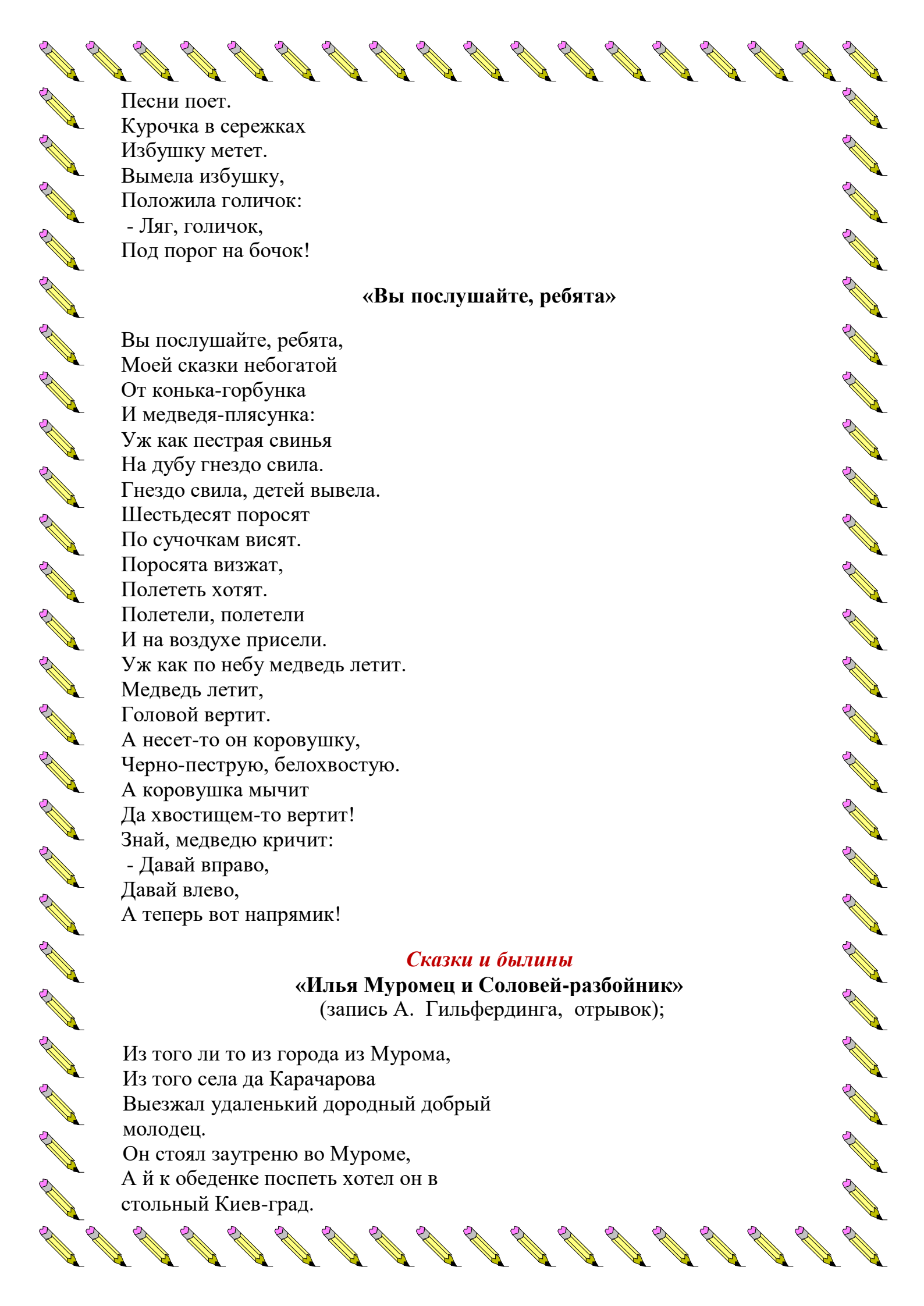
Глупый Иван
Ни людям, ни нам:
Огонь маслом тушит,
Решетом в воде звезды ловит,
За мухой гоняется с обухом,
За комаром – с кнутом;
В колодец – воду льет,
В лес – дрова везет.
Личико беленько,
Да ума маленько.

«Сбил-сколотил – вот колесо»

Сбил, сколотил – вот колесо.
Сел да поехал – ах, хорошо!
Оглянулся назад –
Одни спицы лежат.

Небылицы
«Богат Ермошка»

Богат Ермошка –
У него собака да кошка,
Петушок да курочка,
Селезень да уточка.
Вот как кошка
На окошке
Шьет рубашку
Для Ермошки!
Собачка-пустолайка
Лепешки печет.
Кот в уголке
Сухари толчет.
Утка в юбке
Холсты тачет.
Селезень-сапожник
Пироги печет.
Петушок в сапожках

Песни поет.
Куручка в сережках
Избушку метет.
Вымела избушку,
Положила голичок:
- Ляг, голичок,
Под порог на бочок!

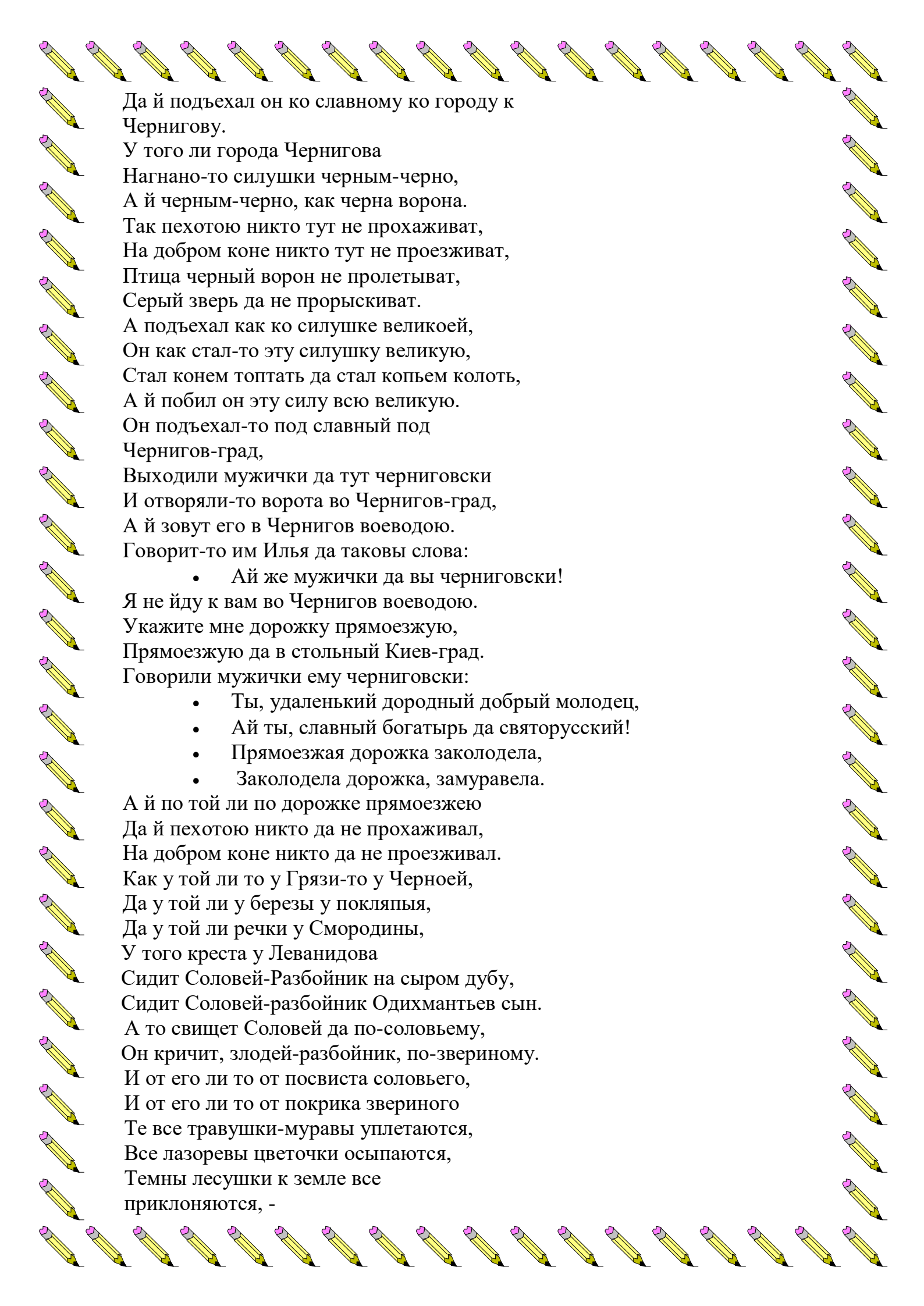
«Вы послушайте, ребята»

Вы послушайте, ребята,
Моей сказки небогатой
От конька-горбунка
И медведя-плясунка:
Уж как пестрая свинья
На дубу гнездо свила.
Гнездо свила, детей вывела.
Шестьдесят поросят
По сучочкам висят.
Поросята визжат,
Полететь хотят.
Полетели, полетели
И на воздухе присели.
Уж как по небу медведь летит.
Медведь летит,
Головой вертит.
А несет-то он коровушку,
Черно-пеструю, белохвостую.
А коровушка мычит
Да хвостищем-то вертит!
Знай, медведю кричит:
- Давай вправо,
Давай влево,
А теперь вот напрямик!

Сказки и былины

**«Илья Муромец и Соловей-разбойник»
(запись А. Гильфердинга, отрывок);**

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый
молодец.
Он стоял заутреню во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел он в
стольный Киев-град.

Да й подъехал он ко славному ко городу к
Чернигову.

У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как черна ворона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великойей,
Он как стал-то эту силушку великуюю,
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великуюю.

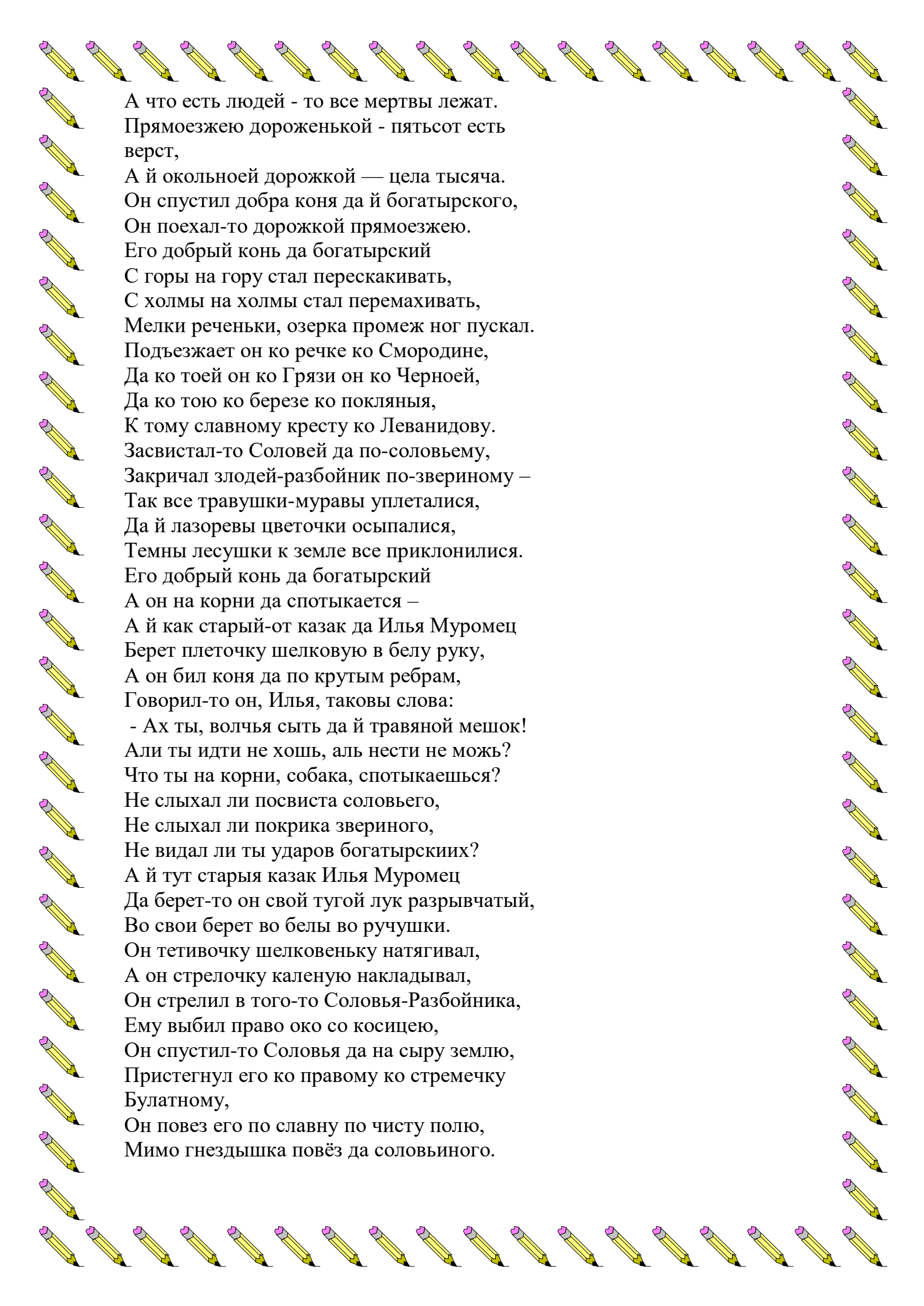
Он подъехал-то под славный под
Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:

- Ай же мужички да вы черниговски!

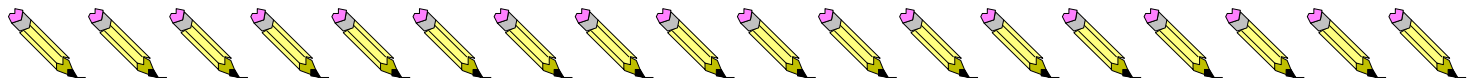
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.
Говорили мужички ему черниговски:

- Ты, удаленький дородный добрый молодец,
- Ай ты, славный богатырь да святорусский!
- Прямоезжая дорожка заколодела,
- Заколодела дорожка, замуравела.

А й по той ли по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то у Чернойей,
Да у той ли у березы у покляпяя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей-Разбойник на сыром дубу,
Сидит Соловей-разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли то от посвиста соловьяго,
И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земле все
приклоняются, -

А что есть людей - то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой - пятьсот есть
верст,
А й окольной дорожкой — цела тысяча.
Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородине,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
Да ко тою ко березе ко покляныя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному —
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазоревы цветочки осыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонилися.
Его добрый конь да богатырский
А он на корни да спотыкается —
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил-то он, Илья, таковы слова:
- Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, аль нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?
А й тут старья казак Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы во ручушки.
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья-Разбойника,
Ему выбил право око со косицею,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку
Булатному,
Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышка повёз да соловьиного.

«Василиса Прекрасная» (из сборника сказов А. Афанасьева)

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала:

- Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в летах, имела своих двух дочерей, почти однолеток Василисе, - стало быть, и хозяйка и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то, что они всегда сидели, сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала ее куколка. Без этого, где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрется в чуланчике, где жила, и потчевает ее, приговаривая:

- На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у батюшки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?

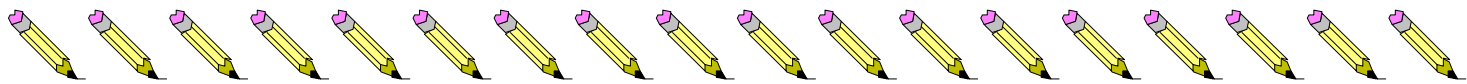
Куколка покушает, да потом и дает ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке, да рвет цветочки, а у нее уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажет Василисе и травку от загару. Хорошо было жить ей с куколкой.

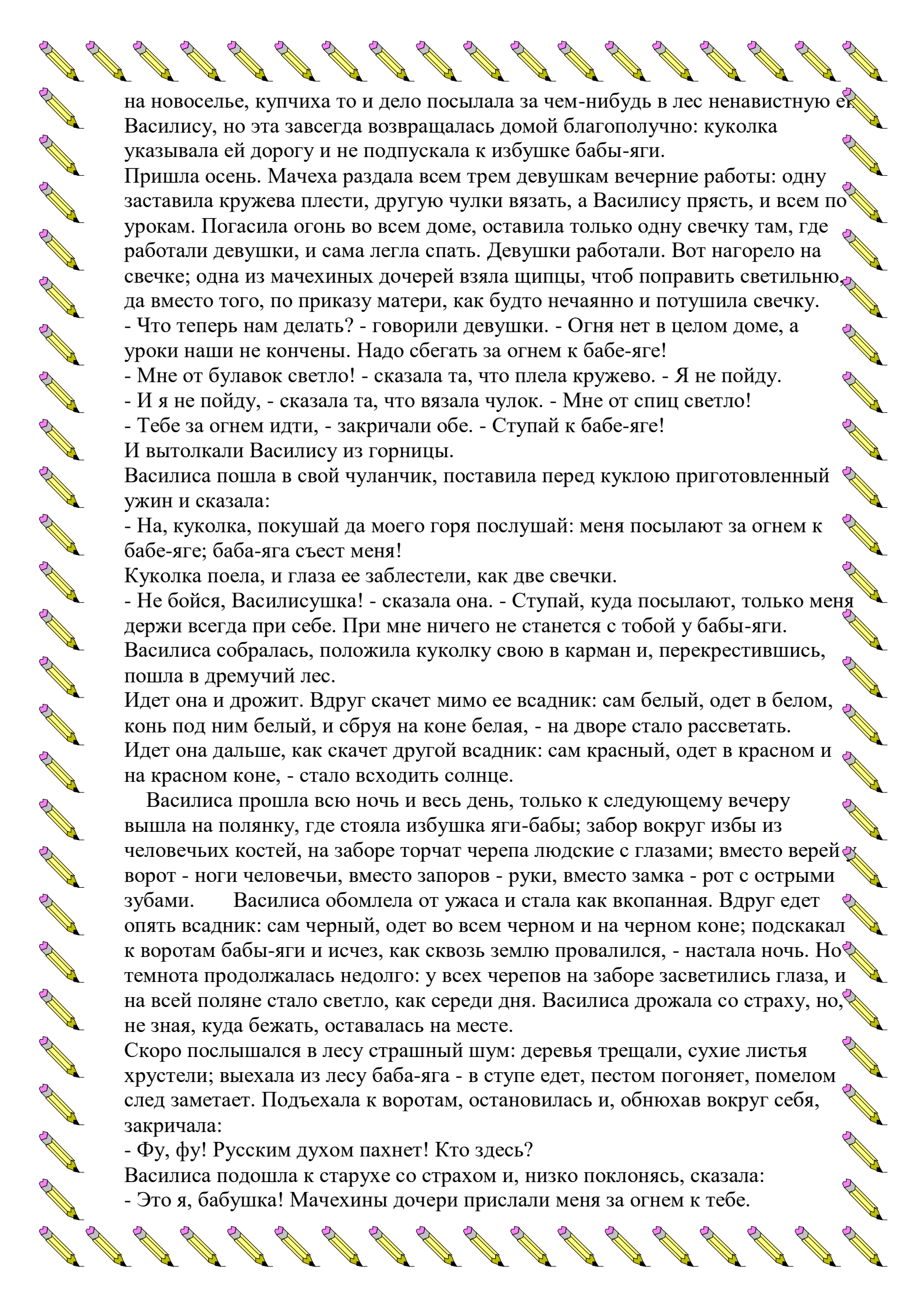
Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присватываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает:

- Не выдам меньшей прежде старших!

А проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житье в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга; никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись

на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта всегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трем девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всем доме, оставила только одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке; одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку.

- Что теперь нам делать? - говорили девушки. - Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к бабе-яге!

- Мне от булавок светло! - сказала та, что плела кружево. - Я не пойду.

- И я не пойду, - сказала та, что вязала чулок. - Мне от спиц светло!

- Тебе за огнем идти, - закричали обе. - Ступай к бабе-яге!

И вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

- На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнем к бабе-яге; баба-яга съест меня!

Куколка поела, и глаза ее заблестели, как две свечки.

- Не бойся, Василисушка! - сказала она. - Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не случится с тобой у бабы-яги.

Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идет она и дрожит. Вдруг скачет мимо нее всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, - на дворе стало рассветать.

Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, - стало всходить солнце.

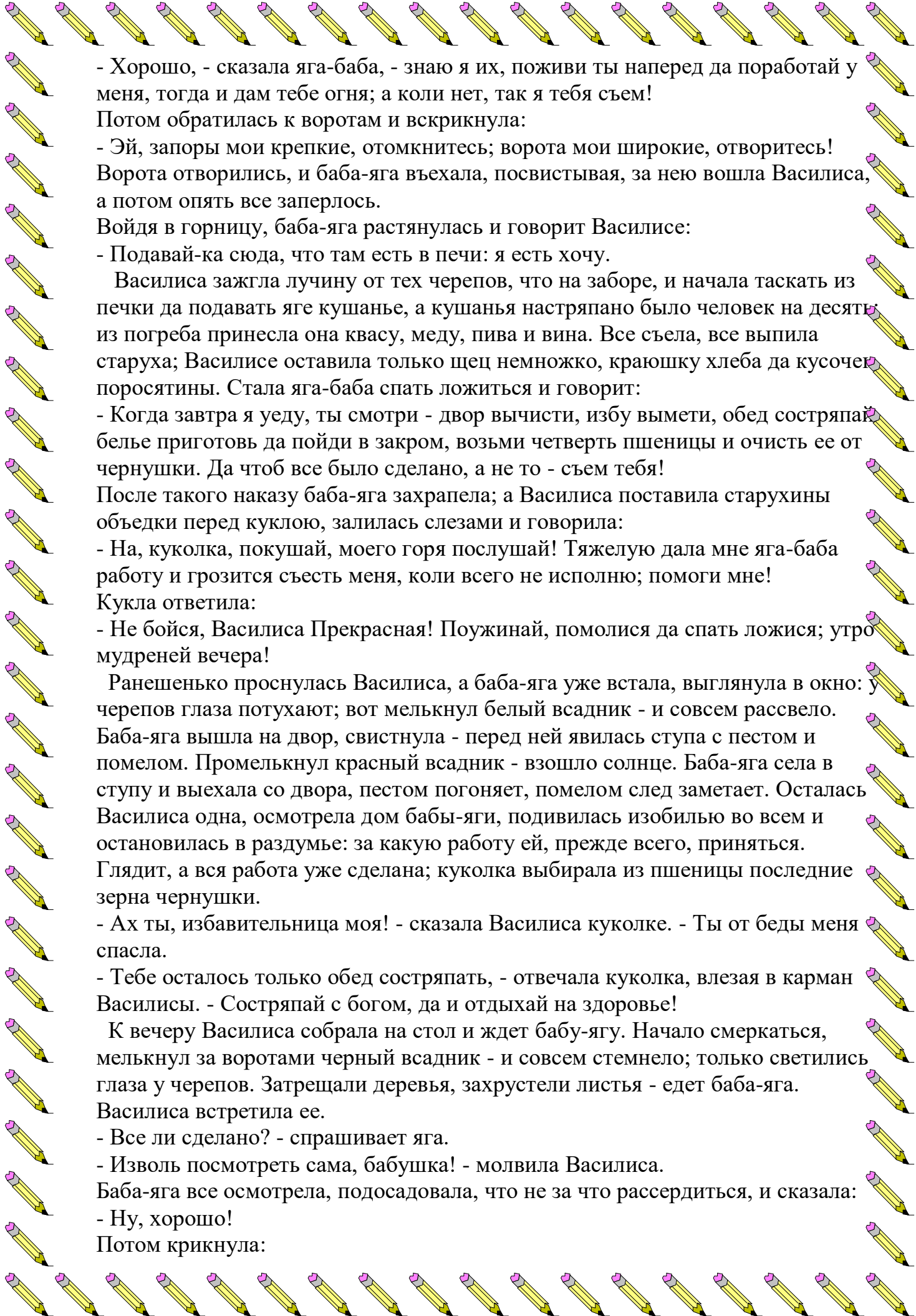
Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские с глазами; вместо вереи у ворот - ноги человецьи, вместо запоров - руки, вместо замка - рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам черный, одет во всем черном и на черном коне; подскочил к воротам бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, - настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная, куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу баба-яга - в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала:

- Фу, фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала:

- Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнем к тебе.

- Хорошо, - сказала яга-баба, - знаю я их, поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!

Потом обратилась к воротам и вскрикнула:

- Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь! Ворота отворились, и баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять все заперлось.

Войдя в горницу, баба-яга растянулась и говорит Василисе:

- Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу.

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говорит:

- Когда завтра я уеду, ты смотри - двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, белье приготовь да пойдешь в закром, возьми четверть пшеницы и очисти ее от чернушки. Да чтоб все было сделано, а не то - съем тебя!

После такого наказа баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и говорила:

- На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую дала мне яга-баба работу и грозит съесть меня, коли всего не исполню; помоги мне!

Кукла ответила:

- Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолился да спать ложися; утро мудреней вечера!

Ранешенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник - и совсем рассвело.

Баба-яга вышла на двор, свистнула - перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник - взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом бабы-яги, подивилась изобилию во всем и остановилась в раздумье: за какую работу ей, прежде всего, приняться.

Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зерна чернушки.

- Ах ты, избавительница моя! - сказала Василиса куколке. - Ты от беды меня спасла.

- Тебе осталось только обед состряпать, - отвечала куколка, влезая в карман Василисы. - Состряпай с богом, да и отдыхай на здоровье!

К вечеру Василиса собрала на стол и ждет бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник - и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья - едет баба-яга.

Василиса встретила ее.

- Все ли сделано? - спрашивает яга.

- Изволь посмотреть сама, бабушка! - молвила Василиса.

Баба-яга все осмотрела, подсадовала, что не за что рассердиться, и сказала:

- Ну, хорошо!

Потом крикнула:

- Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе:

- Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зернышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

- Молись богу да ложись спать: утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!

Наутро баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас

исправили. Старуха воротилась, оглядела все и крикнула:

- Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло!

Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча.

- Что ж ты ничего не говоришь со мною? - сказала баба-яга. - Стоишь как немая!

- Не смела, - отвечала Василиса, - а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем.

- Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать, скоро состареешься!

- Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?

- Это день мой ясный, - отвечала баба-яга.

- Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?

- Это мое солнышко красное! - отвечала баба-яга.

- А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

- Это ночь моя темная - всё мои слуги верные!

Василиса вспомнила о трех парах рук и молчала.

- Что ж ты еще не спрашиваешь? - молвила баба-яга.

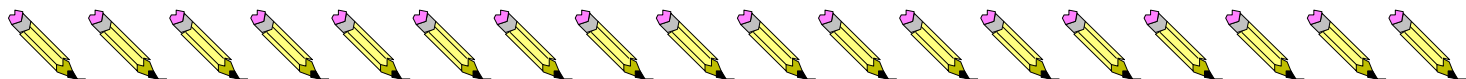
- Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь - состареешься.

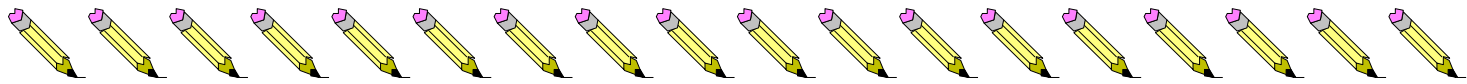
- Хорошо, - сказала баба-яга, - что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

- Мне помогает благословение моей матери, - отвечала Василиса.

- Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных.

Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала:

- Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали.

Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома.

Подходя к воротам, она хотела было бросить череп: «Верно, дома, - думает себе, - уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа:

- Не бросай меня, неси к мачехе!

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей - тот погасал, как только входили с ним в горницу.

- Авось твой огонь будет держаться! - сказала мачеха.

Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся - глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке; живет себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке:

- Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду.

Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у нее, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много: пора бы и за тканье приниматься, да таких берд не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берется и сделать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говорит:

- Принеси-ка мне какое-нибудь старое бердо, да старый челнок, да лошадиной гривы; я все тебе смастерю.

Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

- Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

- Нет, дитяtko! Такого полотна, кроме царя, носить некому; понесу во дворец.

Пошла старуха к царским палатам да все мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил:

- Что тебе, старушка, надобно?

- Ваше царское величество, - отвечает старуха, - я принесла диковинный товар; никому, кроме тебя, показать не хочу.

Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно - вздивовался.

- Что хочешь за него? - спросил царь.

- Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла.

Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; вскрыли, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал:

- Умела ты напрясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить.

- Не я, государь, пряла и соткала полотно, - сказала старуха, - это работа приемыша моего - девушки.

- Ну, так пусть и сошьет она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всем Василисе.

- Я знала, - говорит ей Василиса, - что эта работа моих рук не минует.

Заперлась в свою горницу, принялась за работу; шила она не покладывая рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждет, что будет. Видит: на двор к старухе идет царский слуга; вошел в горницу и говорит:

- Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее из своих царских рук.

Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису

Прекрасную, так и влюбился в нее без памяти.

- Нет, - говорит он, - красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моею женою.

Тут взял царь Василису за белые руки, посадил ее подле себя, а там и свадьбу сыграли.

Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об ее судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

«Волк и лиса» обр. И. Соколова-Микитова

Жили волк и лиса. У волка избушка хвостяная, у лисички - ледяная.

Пришла ростепель, у лисы избушка растаяла. Явилась лиса к волку на ночлег проситься:

- Пусти меня, куманёк, обогреться!

- Мала моя избушка, - говорит волк. - Одному повернуться негде. Куда тебя пущу?

Не пустил волк лису.

Явилась лиса другой раз, явилась третий. Заладила каждый день к волку ходить:

- Хоть на приступочку, куманёк, пусти!

Сжалился волк, пустил лису. Первую ночь лиса на приступочке спала, на вторую забралась в избу, а на третью на печи развалилась. Волк спит под печью внизу, а лиса на печи. И всю - то ночь сама с собой разговоры разговаривает.

Услыхал волк, спрашивает:

- Кто у тебя, кума?

- Никого, куманёк, нету.

Легли спать, а лиса знай лапкой в печную трубу стучит: "Тук, тук, тук! Тук, тук, тук!"

Проснулся волк:

- Выйди, кума, спроси: кто там стучится?

Вышла лиса в сени за дверь. А из сеней забралась в кладовушку, где волк запасы берёт. Стала в кладовушке сметанку да маслице слизывать. Лижет и приговаривает:

- Хороша Волкова сметанка! Вкусное маслице!

Вылизала всё маслице и сметанку, муку рассыпала. Вернулась на печь, облизывается.

- С кем ты, кумушка, в сенях разговаривала? - спрашивает волк.

- Это за мной послы приезжали, - отвечает лиса. - Звали меня на свадьбу, на почестный пир. Да отказалась я ехать.

Поверил волк лисе.

Утром задумал волк блины печь. Говорит лисе:

- Я буду дрова носить, печку топить. А ты сходи, кумушка, в кладовушку, посмотри там хорошенько. Было у меня и маслице и сметанка, была и мучица. Печку затопим, напечём блинков.

Пошла лиса в Волкову кладовушку. Явилась из кладовушки, волку говорит:

- Я под старость слеповата стала, вижу плохо - ничего не нашла в твоей кладовушке. Сходи, куманёк, сам.

Пошёл волк сам в свою кладовушку. На полочки посмотрел, под полочки поглядел: всё в кладовушке подлизано! Вернулся, спрашивает у лисы:

- Не ты ли у меня, кумушка, сметанку и маслице слизала да муку рассыпала?

Стала отрекаться лиса:

- Я слепа и убога. Не видала маслица, не лизала сметанки, не рассыпала твоей муки!

Ещё раз поверил волк хитрой лисе, оставил в избушке жить до весны.

Жила лиса до весны, жила до холодной осени.

И теперь у волка в избушке живёт.

«Добрыня и Змей» пересказ Н. Колпаковой

Случилось богатырю молодому, Добрыне Никитичу, в жаркий день возле Пучай-реки в поле гулять. А неподалеку оттуда на горе Сорочинской жила Змея свирепая, жадная. Ненавидела Змея Добрыню за то, что не раз богатырь её змеёнышей ядовитых топтал, не раз спасал от плена змеиного людей русских, которых Змея к себе на гору в пещеру утаскивала. Много раз уговаривала Добрыню матушка родимая:

- Берегись, дитяtko, Пучай-реки, не купайся в ней. Налетит на тебя Змея, как безоружный с ней справишься?

Помнил Добрыня наказы матушкины. Да очень уж жарко в тот день богатырю в поле было. Сбросил платье, в воду кинулся.

А Змея тут как тут. Поднялась над рекой, вьётся над Добрыней, броситься на него готова. Издевается:

- Захочу – Добрыню целиком сожру! Захочу – Добрыню в хоботы возьму! Захочу – Добрыню в плен унесу!

Но не испугался Змея Добрыня: успел ловко на берег выскочить. Схватил он свой колпак в три пуда весом, да как хватит Змею по голове! Вмиг отшиб у неё хоботы ядовитые. Кинулся к платью своему, выхватил нож булатный. Испугалась, завывала Змея лютая:

- Не бей, не губи меня, Добрынюшка! Не буду больше на Русь летать, людей русских в плен уносить! Помирился! И ты моих детёнышей не трогай впредь!

Поверил ей Добрыня. Согласился. Отпустил Змею на волю. Мигом скрылась, улетела Змея лютая. А Добрыня домой пошел.

Приходит домой, а Киев-град печален стоит.

- Что за горе приключилось? – Добрыня спрашивает.

Отвечают ему люди киевские:

- Одна была у князя Владимира племянница любимая, Забава дочь Путятична. Пошла она в зеленом саду прогуляться. Пролетала тут над Киевом Змея проклятая. Подхватила, унесла княжну в свою пещеру змеиную!

Идет Добрыня к Владимиру, а там богатыри сидят в горнице, думу думают: как освободить Забаву Путятичну? Кого послать? Все на Добрыню кивают: он, мол, с таким делом лучше всех справится.

Сел Добрынюшка на своего добра коня. Дала мать ему в руки плёточку шёлковую:

- Как приедешь, дитяtko, на гору Сорочинскую, покрепче коня хлещи, чтобы крепко топтал он злых змеёнышей.

Помчался Добрыня к пещере змеиной. До пещеры доехал. Начал он тут коня плёткой стегать. Начал конь копытами змеёнышей топтать. А из пещеры навстречу Добрыне вылетает Змея лютая, свирепая.

- Это что же ты, Добрыня, делаешь? А не ты ли обещался не топтать больше моих змеёнышей?

Отвечал ей Добрынюшка:

- А не ты ли обещала людей русских не носить к себе? Зачем похитила Забаву Путятичну? Не спущу тебе этого!

И пошла тут у Добрыни со Змеёй битва жестокая. Трое суток они бились да ещё три часа. Не вынесла Змея, сдохла. Прикончил её Добрынюшка.

Побежал он в пещеру змеиную, стал на свет выводить пленников.

- Выходите, - кричит, - люди русские! Убита Змея Добрынею!

Ищет он Забаву Путятичну среди пленников, отыскать не может. В самой последней пещере запрятанную нашёл.

Садился он на своего добра коня, княжну перед собой посадил. И повёз её в Киев к дядюшке, князю Владимиру.

Вышел князь Владимир на высокое крыльцо, встретил Добрыню с поклоном, с великой благодарностью:

- Спасибо тебе, Добрынюшка, - один ты из всех богатырей сослужил нам такую службу важную!

И наградил он Добрыню золотой казной, платьем праздничным.

«Снегурочка» (по народным сюжетам)

Жили-были старик со старухой. Жили ладно дружно. Все бы хорошо, да одно горе - детей у них не было.

Вот пришла зима снежная, намело сугробов до пояса, высыпали ребятишки на улицу поиграть, а старик со старухой на них из окна глядят да про свое горе думают:

- А что, старуха,— говорит старик,- давай мы себе из снега дочку сделаем.

- Давай,— говорит старуха.

Надел старик шапку, вышли они на огород и принялись дочку из снега лепить. Скатали они снежный ком, ручки, ножки приладили, сверху снежную головку приставили. Вылепил старик носик, рот, подбородок. Глядь, а у Снегурочки губы порозовели, глазки открылись, смотрит она на стариков и улыбается.

Потом закивала головкой, зашевелила ручками, ножками, стряхнула с себя снег - и вышла из сугроба живая девочка.

Обрадовались старики, привели ее в избу. Глядят на нее - не налюбуются.

И стала расти у стариков дочка не по дням, а по часам; что ни день, то все краше становится. Сама беленькая, точно снег, коса русая до пояса, только румянца нет вовсе.

Не нарадуются старики на дочку, души в ней не чают. Растет дочка и умная, и смышленная, и веселая. Со всеми ласковая, приветливая. И работа у Снегурочки в руках спорится, а песню запоет - заслушаешься.

Прошла зима.

Начало пригревать весеннее солнышко. Зазеленела трава на проталинах, запели жаворонки.

А Снегурочка вдруг запечалилась.

- Что с тобой, дочка? - спрашивают старики.- Что ты такая невеселая стала? Иль тебе неможется?

- Ничего, батюшка, ничего, матушка,- я здорова.

Вот и последний снег растаял, зацвели цветы на лугах, птицы прилетели.

А Снегурочка день ото дня все печальнее, все молчаливее становится. От солнца прячется. Все бы ей тень да холодок, а еще лучше - дождичек.

Раз надвинулась черная туча, посыпался крупный град. Обрадовалась Снегурочка граду, точно жемчугу перекатному. А как снова выглянуло солнышко, и град растаял, Снегурочка заплакала, да так горько, словно по родному брату.

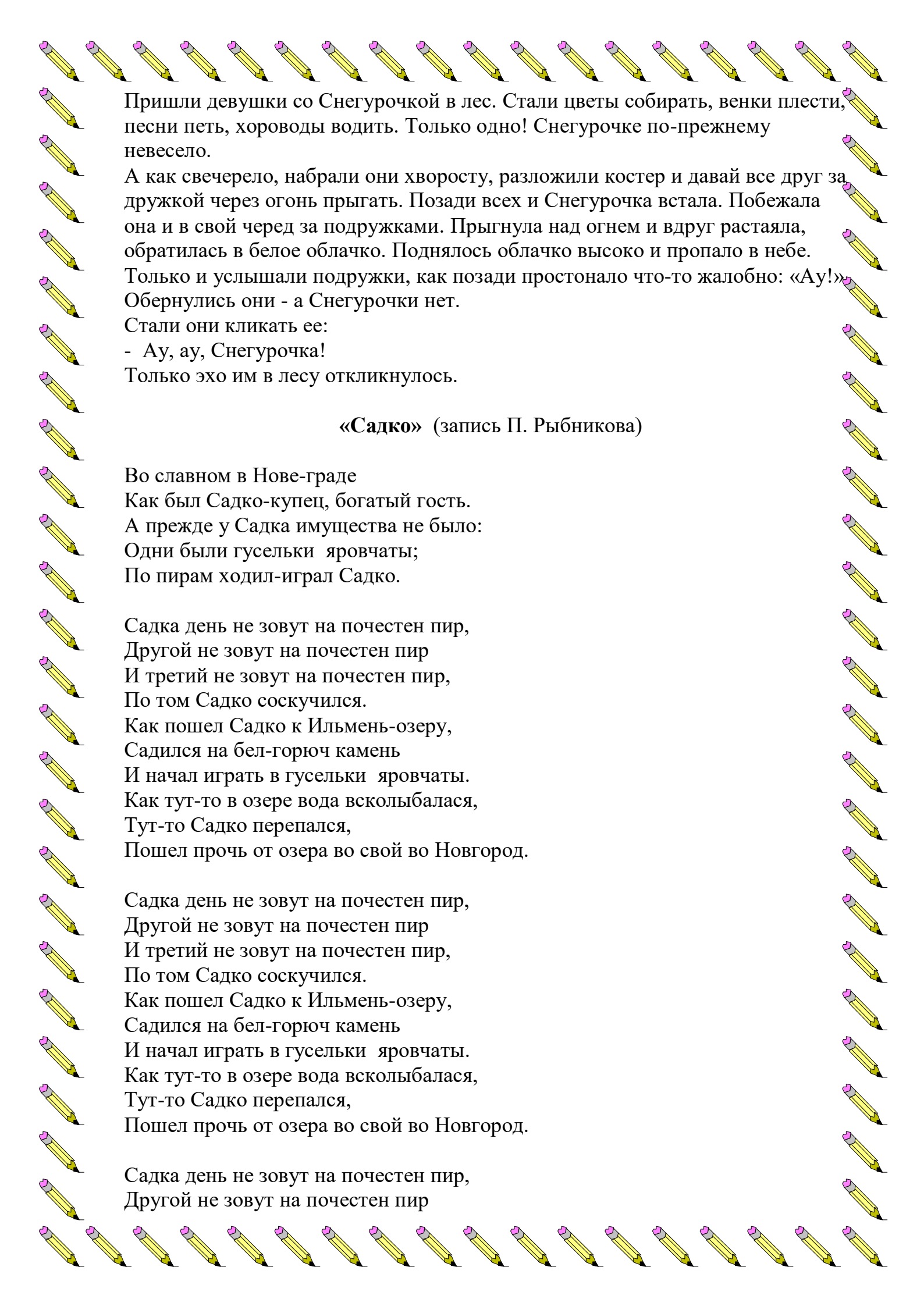
За весной лето пришло. Собрались девушки на гулянье в рощу, зовут Снегурочку:

- Идем с нами, Снегурочка, в лес гулять, песни петь, плясать.

Не хотелось Снегурочке в лес идти, да старуха ее уговорила:

- Пойди, дочка, повеселись с подружками!

Пришли девушки со Снегурочкой в лес. Стали цветы собирать, венки плести, песни петь, хороводы водить. Только одно! Снегурочке по-прежнему невесело.

А как свечерело, набрали они хворосту, разложили костер и давай все друг за дружкой через огонь прыгать. Позади всех и Снегурочка встала. Побежала она и в свой черед за подружками. Прыгнула над огнем и вдруг растаяла, обратилась в белое облачко. Поднялось облачко высоко и пропало в небе. Только и слышали подружки, как позади простонало что-то жалобно: «Ау!»

Обернулись они - а Снегурочки нет.

Стали они кликать ее:

- Ау, ау, Снегурочка!

Только эхо им в лесу откликнулось.

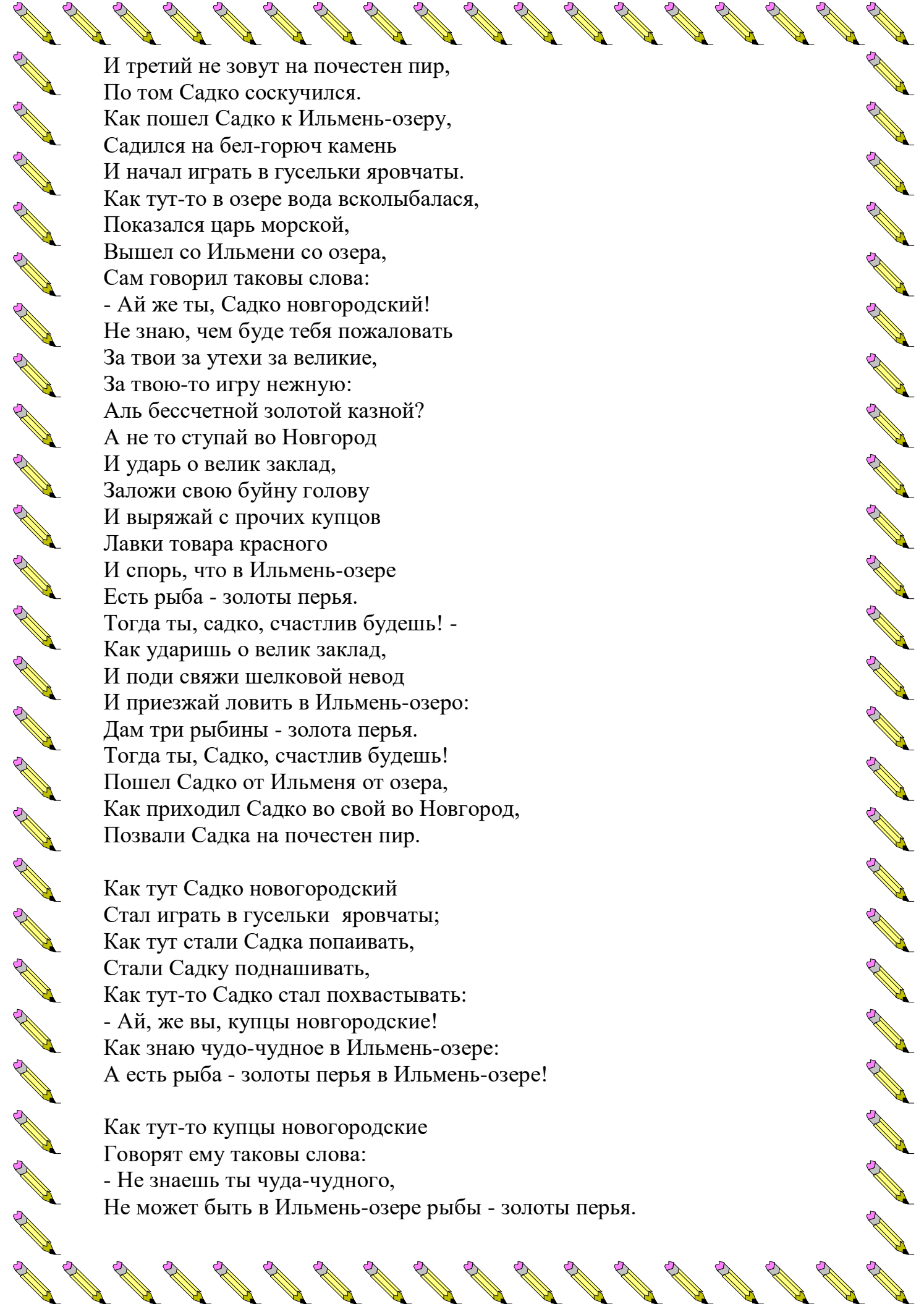
«Садко» (запись П. Рыбникова)

Во славном в Нове-граде
Как был Садко-купец, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гусельки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садко.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.
Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гусельки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.
Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гусельки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.

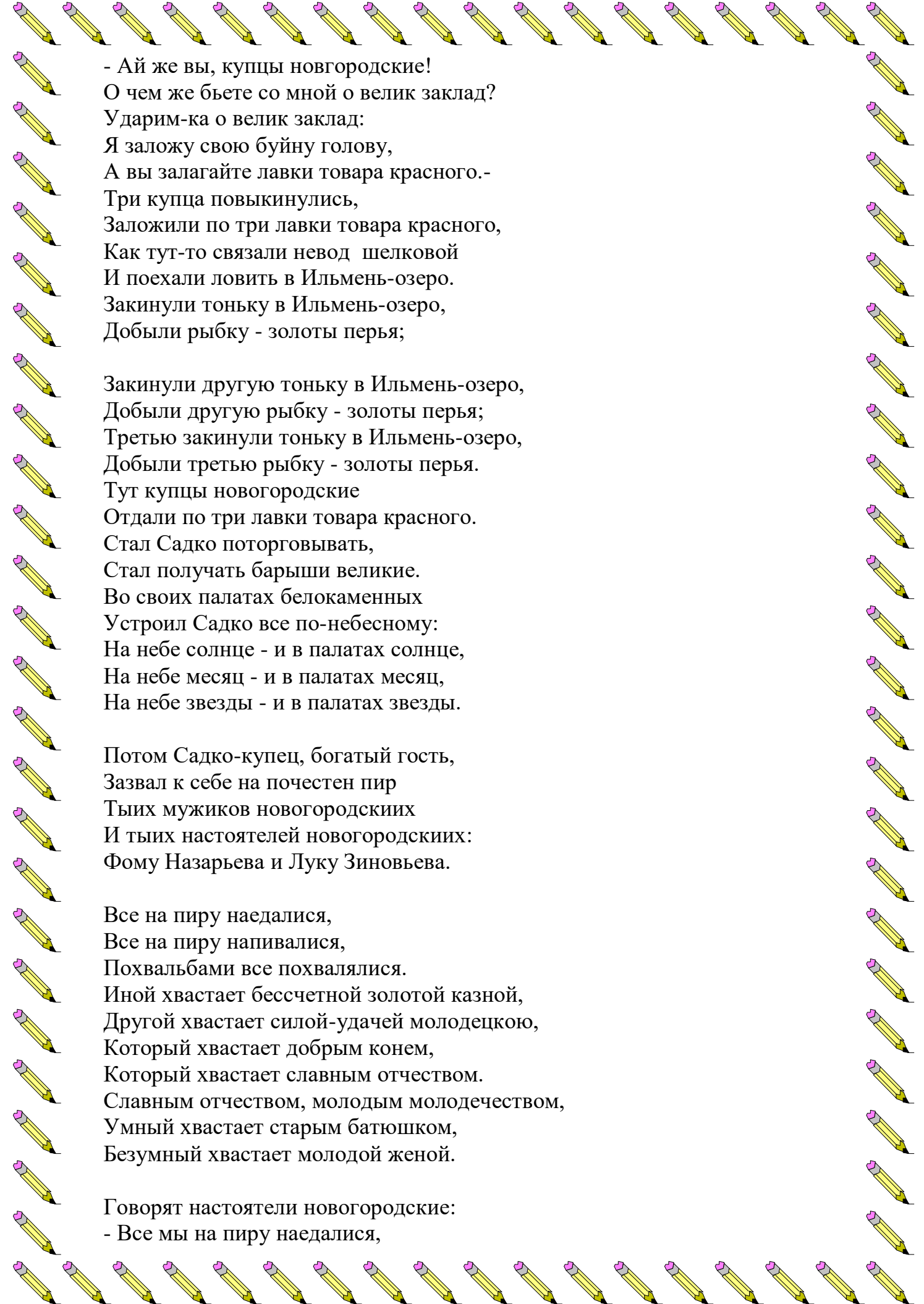
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир

И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.
Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гусельки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышел со Ильмени со озера,
Сам говорил таковы слова:
- Ай же ты, Садко новгородский!
Не знаю, чем буде тебя пожаловать
За твои за утехы за великие,
За твою-то игру нежную:
Аль бессчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложу свою буйну голову
И выряжай с прочих купцов
Лавки товара красного
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба - золоты перья.
Тогда ты, садко, счастлив будешь! -
Как ударишь о велик заклад,
И поди свяжи шелковой невод
И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
Дам три рыбины - золота перья.
Тогда ты, Садко, счастлив будешь!
Пошел Садко от Ильменя от озера,
Как приходил Садко во свой во Новгород,
Позвали Садка на почестен пир.

Как тут Садко новгородский
Стал играть в гусельки яровчаты;
Как тут стали Садка поपाивать,
Стали Садку поднашивать,
Как тут-то Садко стал похвастьвать:
- Ай, же вы, купцы новгородские!
Как знаю чудо-чудное в Ильмень-озере:
А есть рыба - золоты перья в Ильмень-озере!

Как тут-то купцы новгородские
Говорят ему таковы слова:
- Не знаешь ты чуда-чудного,
Не может быть в Ильмень-озере рыбы - золоты перья.

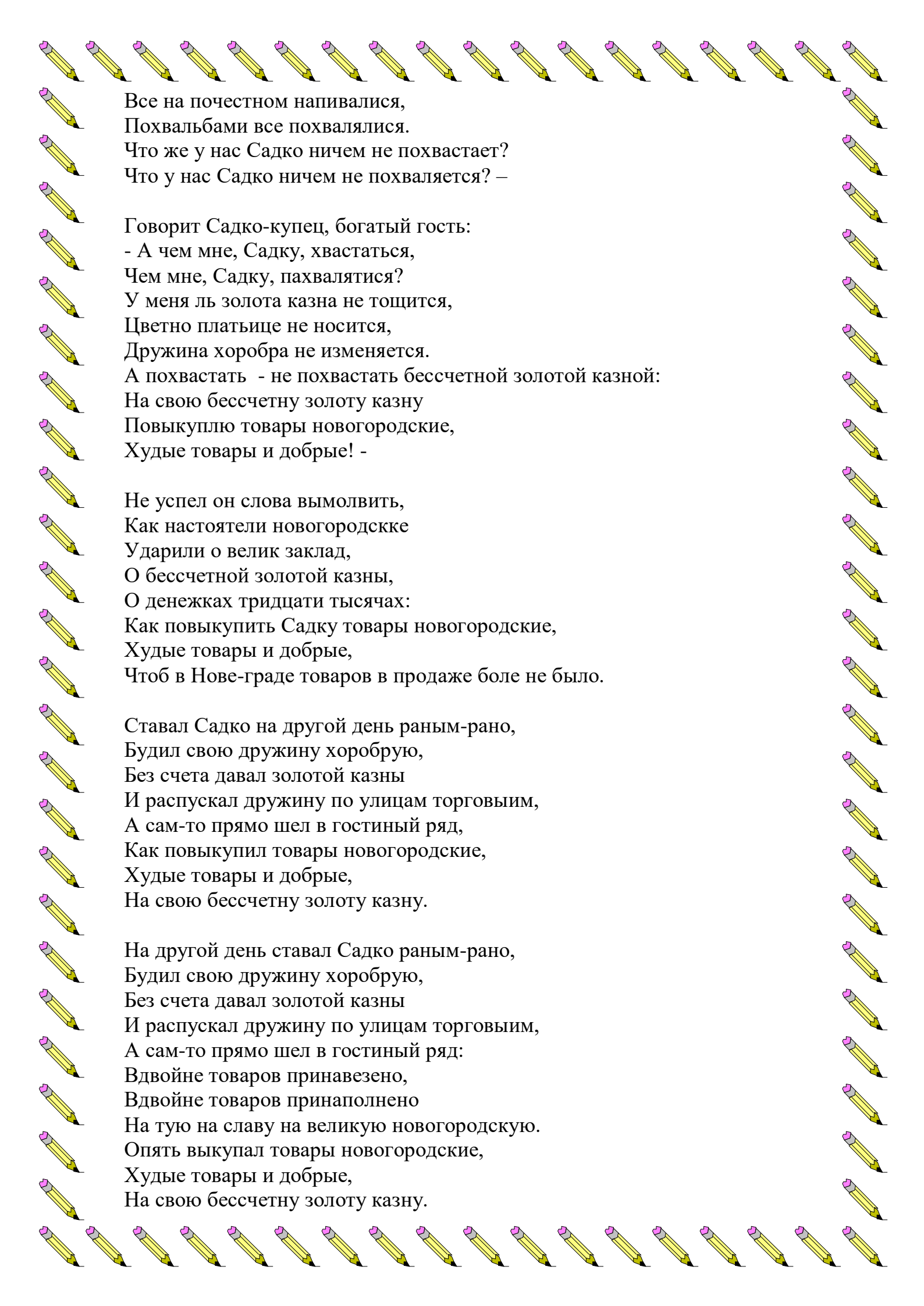
- Ай же вы, купцы новгородские!
О чем же бьете со мной о велик заклад?
Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара красного.-
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара красного,
Как тут-то связали невод шелковой
И поехали ловить в Ильмень-озеро.
Закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку - золоты перья;

Закинули другую тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку - золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку - золоты перья.
Тут купцы новгородские
Отдали по три лавки товара красного.
Стал Садко поторговывать,
Стал получать барыши великие.
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садко все по-небесному:
На небе солнце - и в палатах солнце,
На небе месяц - и в палатах месяц,
На небе звезды - и в палатах звезды.

Потом Садко-купец, богатый гость,
Зазвал к себе на почестен пир
Тых мужиков новгородских
И тых настоятелей новгородских:
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.

Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Иной хвастает бессчетной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конем,
Который хвастает славным отчеством.
Славным отчеством, молодым молодецеством,
Умный хвастает старым батюшкой,
Безумный хвастает молодой женой.

Говорят настоятели новгородские:
- Все мы на пиру наедались,

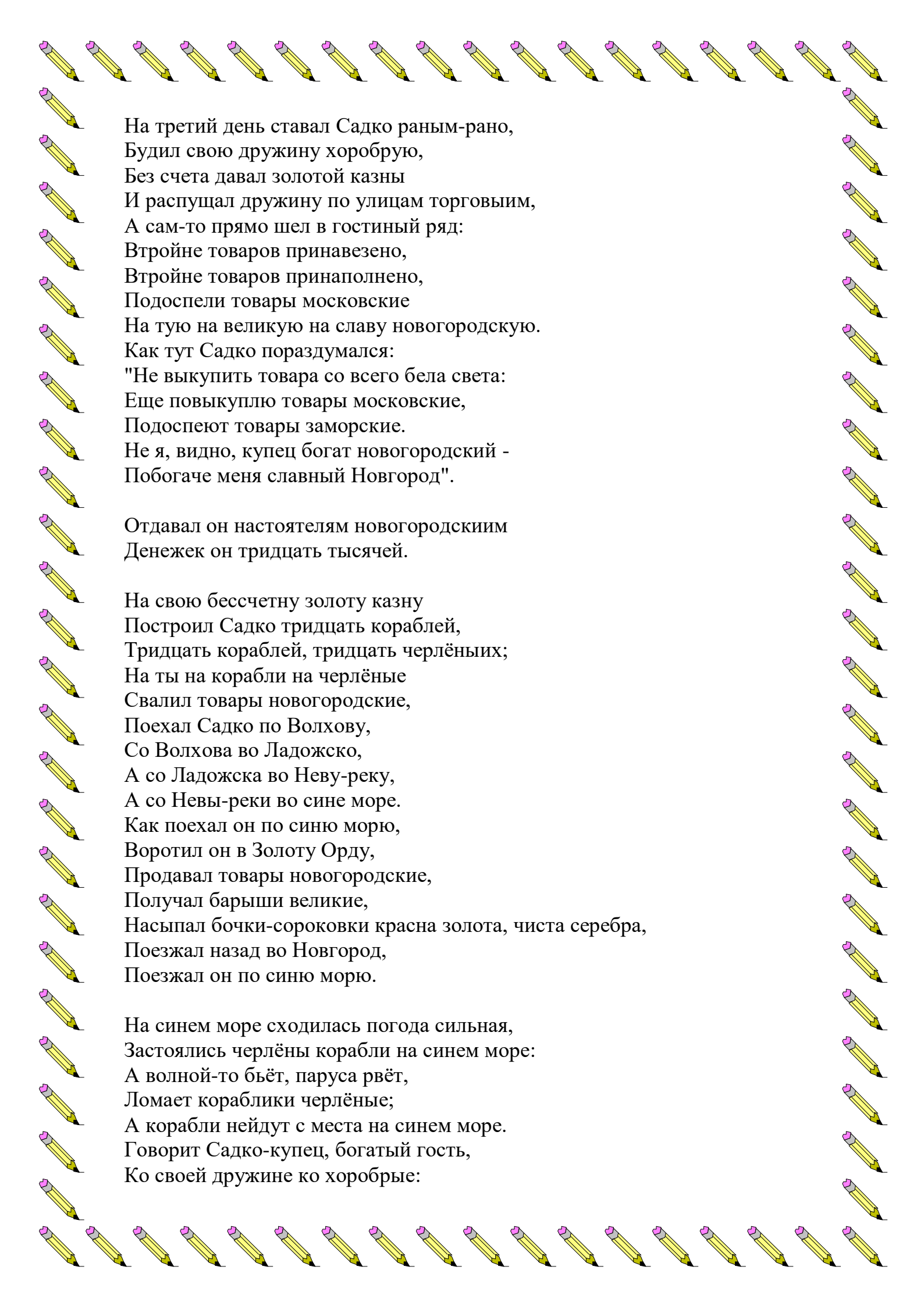
Все на почестном напивались,
Похвальбами все похвалялися.
Что же у нас Садко ничем не похвастает?
Что у нас Садко ничем не похваляется? –

Говорит Садко-купец, богатый гость:
- А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, пахвалятися?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платьице не носится,
Дружина хоробра не изменяется.
А похвастать - не похвастать бесшчетной золотой казной:
На свою бесшчетну золоту казну
Повыкуплю товары новгородские,
Худые товары и добрые! -

Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новгородские
Ударили о велик заклад,
О бесшчетной золотой казны,
О денежках тридцати тысячах:
Как повысить Садку товары новгородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже боле не было.

Ставал Садко на другой день раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без шчета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд,
Как повысить товары новгородские,
Худые товары и добрые,
На свою бесшчетну золоту казну.

На другой день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без шчета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Вдвойне товаров принавезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На туу на славу на великую новгородскую.
Опять выкупал товары новгородские,
Худые товары и добрые,
На свою бесшчетну золоту казну.

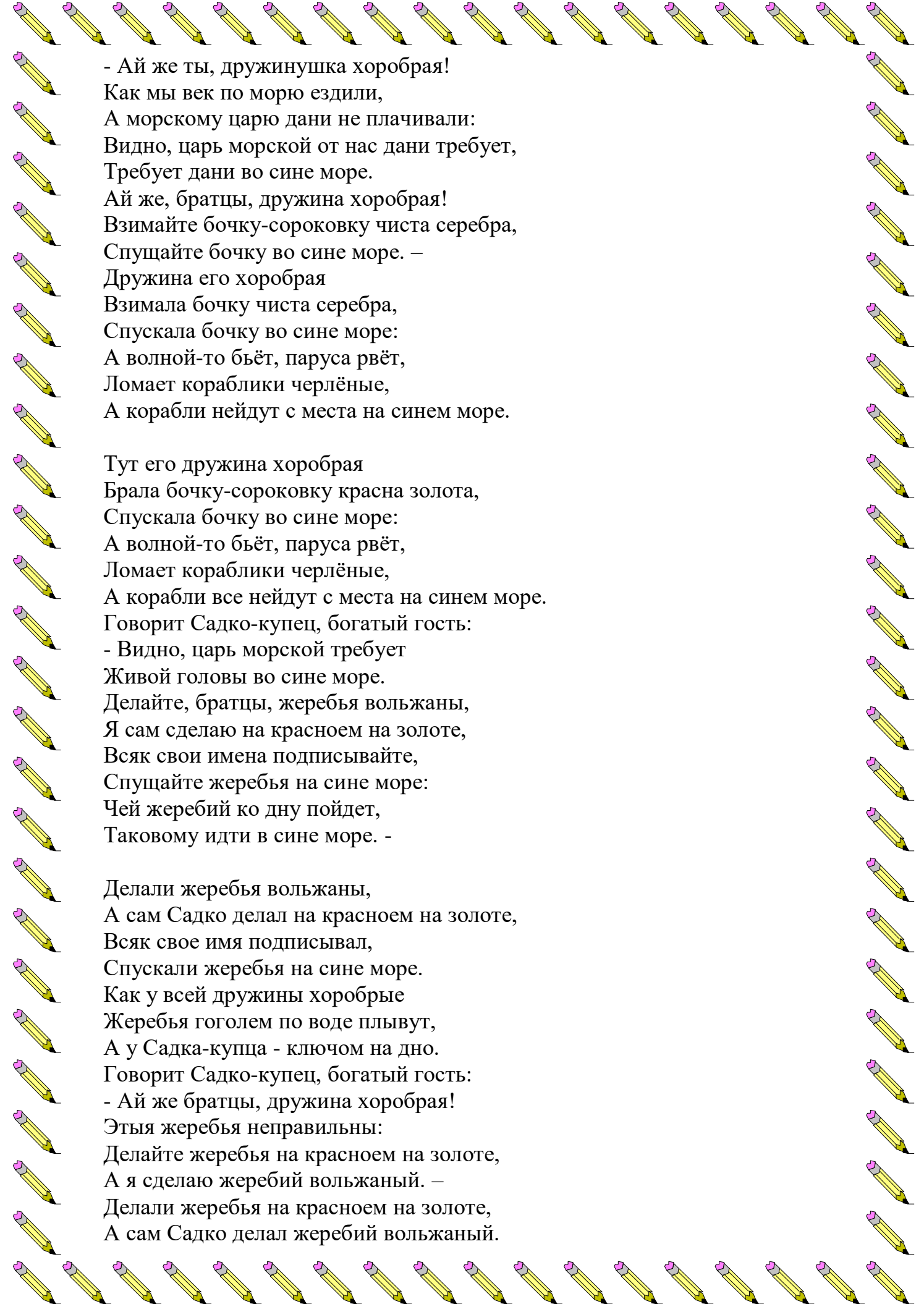

На третий день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распущал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостинный ряд:
Втройне товаров принавезено,
Втройне товаров принаполнено,
Подоспели товары московские
На тую на великую на славу новгородскую.
Как тут Садко пораздумался:
"Не выкупить товара со всего бела света:
Еще повыкуплю товары московские,
Подоспеют товары заморские.
Не я, видно, купец богат новгородский -
Побогаче меня славный Новгород".

Отдавал он настоятелям новгородским
Денежек он тридцать тысяч.

На свою бессчетну золоту казну
Построил Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черлёных;
На ты на корабли на черлёные
Свалил товары новгородские,
Поехал Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море.
Как поехал он по синю морю,
Воротил он в Золоту Орду,
Продавал товары новгородские,
Получал барыши великие,
Насыпал бочки-сороковки красна золота, чиста серебра,
Поезжал назад во Новгород,
Поезжал он по синю морю.

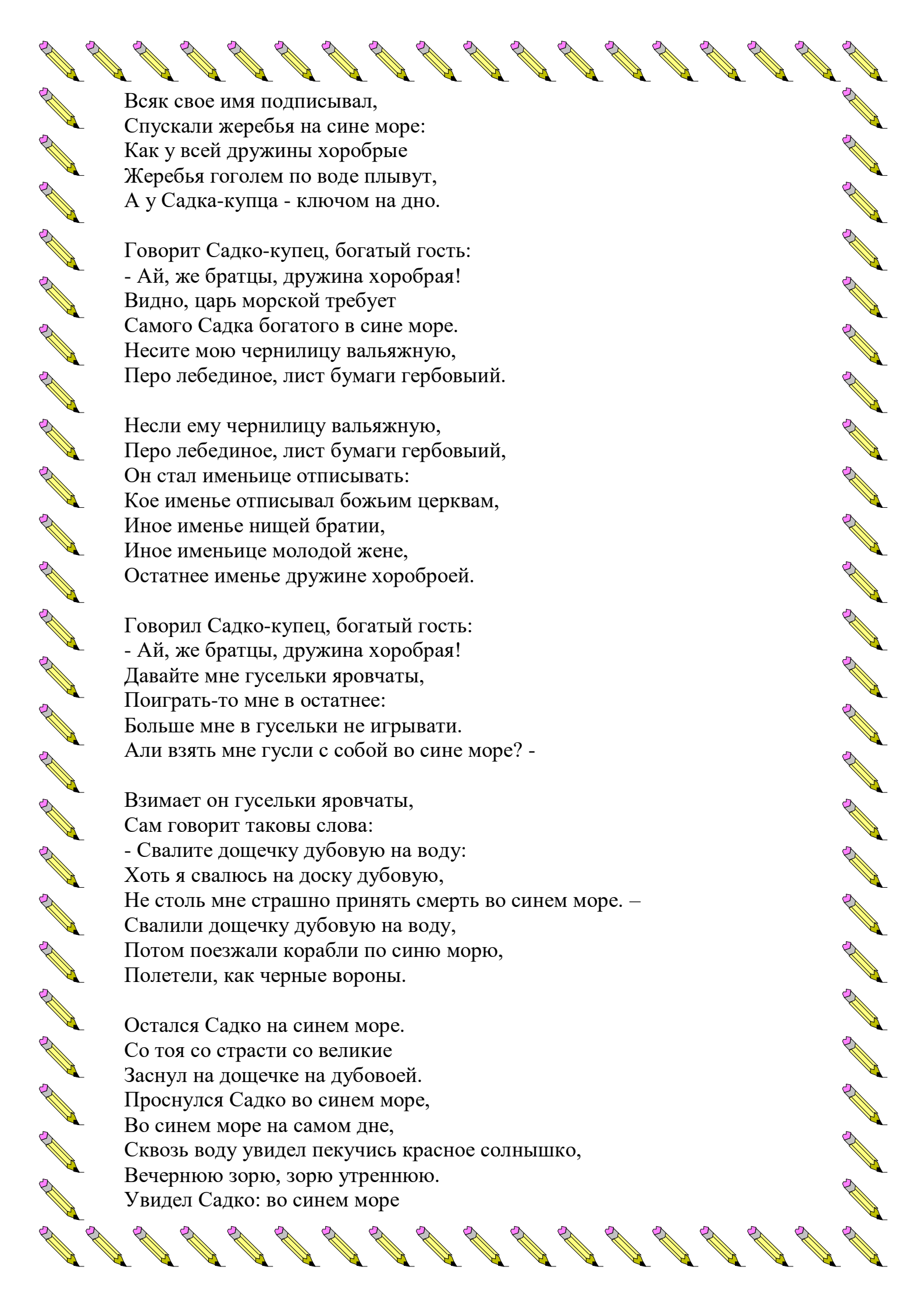
На синем море сходилась погода сильная,
Застоялись черлёны корабли на синем море:
А волной-то бьёт, паруса рвёт,
Ломает кораблики черлёные;
А корабли нейдут с места на синем море.
Говорит Садко-купец, богатый гость,
Ко своей дружине ко хоробрые:

- Ай же ты, дружинushка хоробрая!
Как мы век по морю ездили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской от нас дани требует,
Требует дани во сине море.
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Взимаите бочку-сороковку чиста серебра,
Спускайте бочку во сине море. –
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьёт, паруса рвёт,
Ломает кораблики черлёные,
А корабли нейдут с места на синем море.

Тут его дружина хоробрая
Брала бочку-сороковку красна золота,
Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьёт, паруса рвёт,
Ломает кораблики черлёные,
А корабли все нейдут с места на синем море.
Говорит Садко-купец, богатый гость:
- Видно, царь морской требует
Живой головы во сине море.
Делайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я сам сделаю на красном на золоте,
Всяк свои имена подписывайте,
Спускайте жеребья на сине море:
Чей жеребий ко дну пойдет,
Таковому идти в сине море. -

Делали жеребья вольжаны,
А сам Садко делал на красном на золоте,
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море.
Как у всей дружины хоробрые
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка-купца - ключом на дно.
Говорит Садко-купец, богатый гость:
- Ай же братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья неправильны:
Делайте жеребья на красном на золоте,
А я сделаю жеребий вольжаний. –
Делали жеребья на красном на золоте,
А сам Садко делал жеребий вольжаний.

Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрые
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка-купца - ключом на дно.

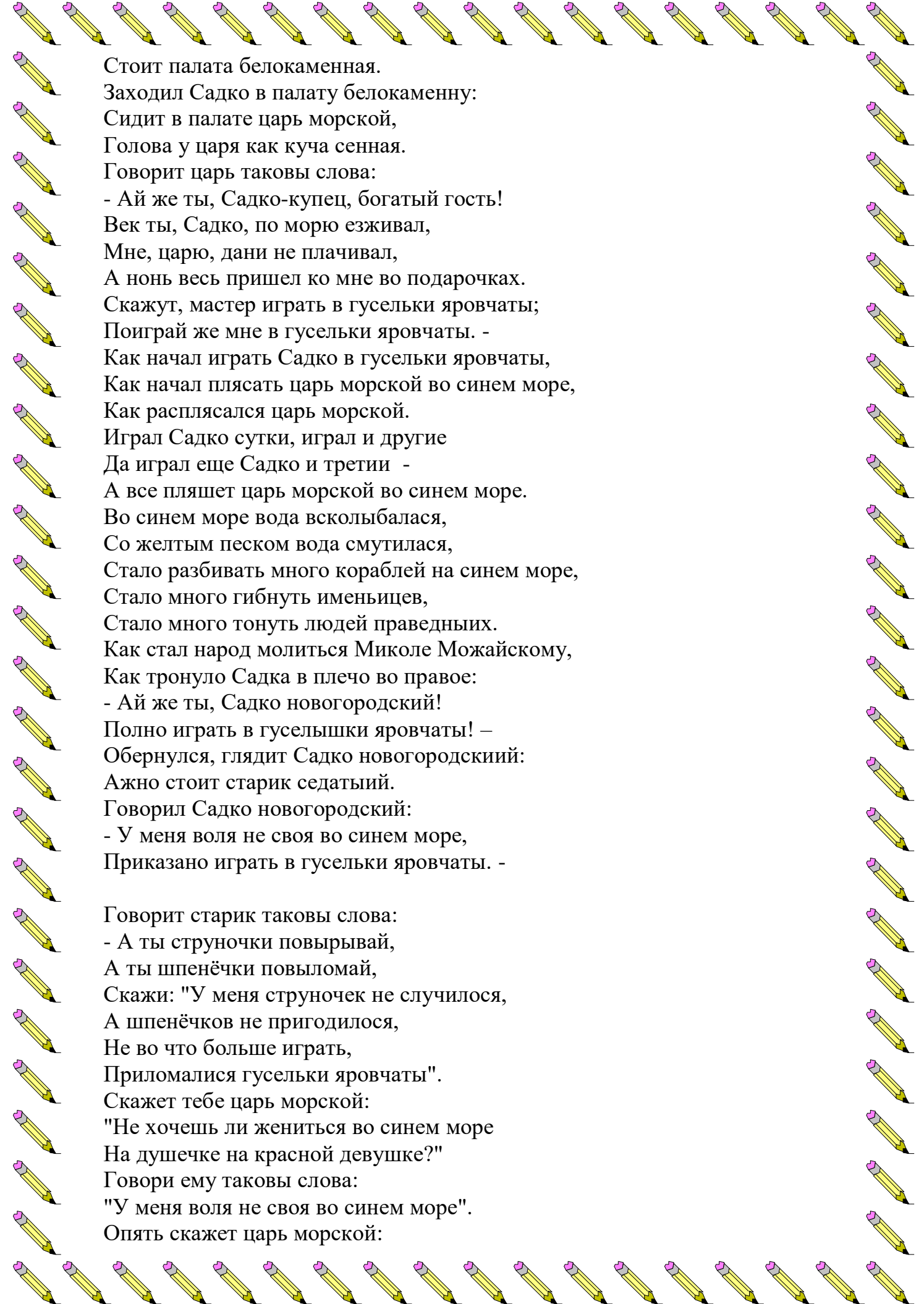
Говорит Садко-купец, богатый гость:
- Ай, же братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатого в сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый.

Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый,
Он стал именье отписывать:
Кое именье отписывал божьим церквам,
Иное именье нищей братии,
Иное именье молодой жене,
Остатнее именье дружине хороброй.

Говорил Садко-купец, богатый гость:
- Ай, же братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гусельки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гусельки не игривати.
Али взять мне гусли с собой во сине море? -

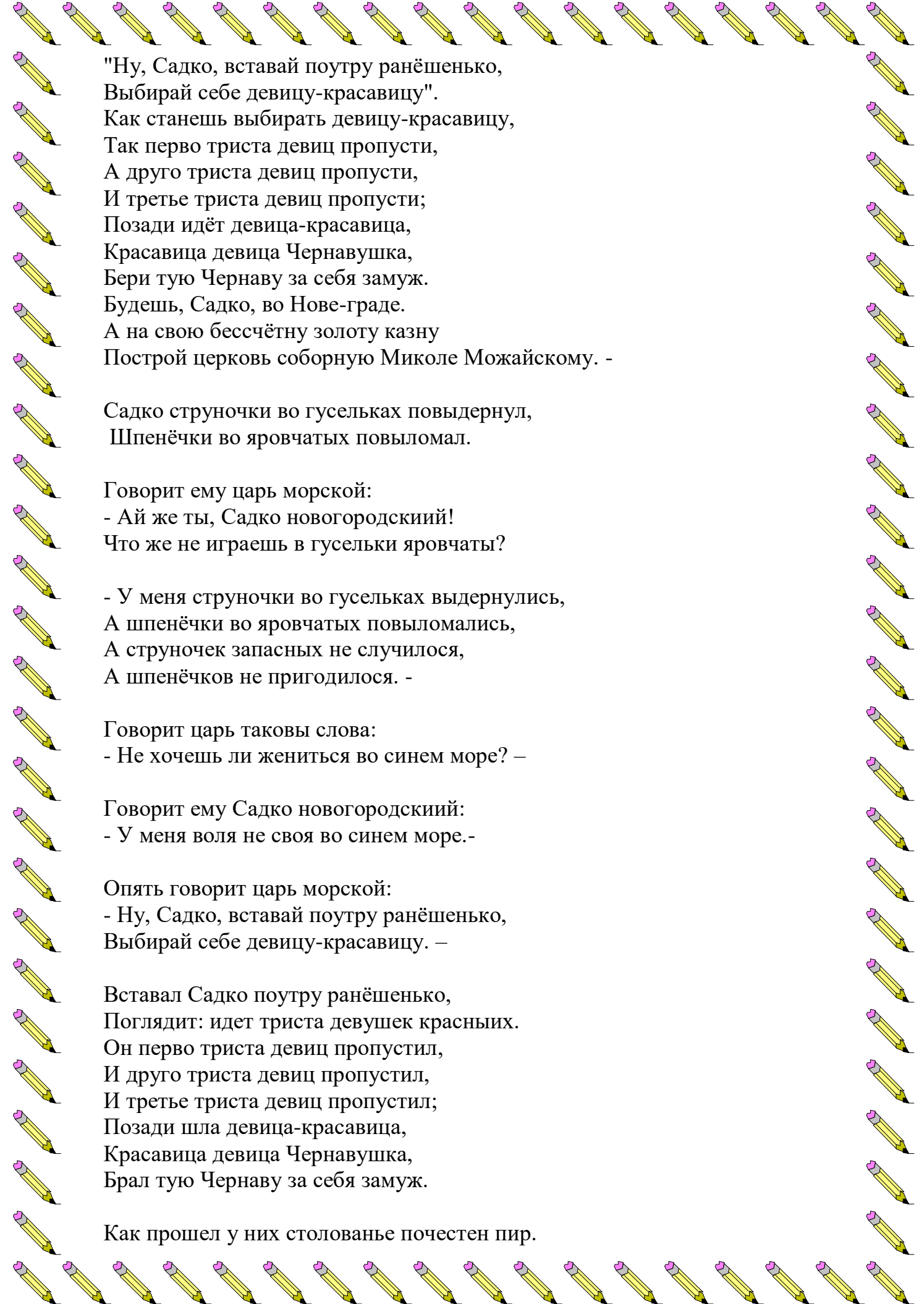
Взимает он гусельки яровчаты,
Сам говорит таковы слова:
- Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не столь мне страшно принять смерть во синем море. —
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потом поезжали корабли по синю морю,
Полетели, как черные вороны.

Остался Садко на синем море.
Со тоя со страсти со великие
Заснул на дощечке на дубовой.
Проснулся Садко во синем море,
Во синем море на самом дне,
Сквозь воду увидел пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидел Садко: во синем море

Стоит палата белокаменная.
Заходил Садко в палату белокаменну:
Сидит в палате царь морской,
Голова у царя как куча сенная.
Говорит царь таковы слова:
- Ай же ты, Садко-купец, богатый гость!
Век ты, Садко, по морю езживал,
Мне, царю, дани не плачивал,
А нонь весь пришел ко мне во подарочках.
Скажут, мастер играть в гусельки яровчаты;
Поиграй же мне в гусельки яровчаты. -
Как начал играть Садко в гусельки яровчаты,
Как начал плясать царь морской во синем море,
Как расплясался царь морской.
Играл Садко сутки, играл и другие
Да играл еще Садко и третии -
А все пляшет царь морской во синем море.
Во синем море вода всколыбалася,
Со желтым песком вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синем море,
Стало много гибнуть именницев,
Стало много тонуть людей праведных.
Как стал народ молиться Миколу Можайскому,
Как тронуло Садка в плечо во правое:
- Ай же ты, Садко новгородский!
Полно играть в гусельки яровчаты! –
Обернулся, глядит Садко новгородский:
Ажно стоит старик седатый.
Говорил Садко новгородский:
- У меня воля не своя во синем море,
Приказано играть в гусельки яровчаты. -

Говорит старик таковы слова:
- А ты струночки повырывай,
А ты шпенёчки повыломай,
Скажи: "У меня струночек не случилось,
А шпенёчков не пригодилось,
Не во что больше играть,
Приломались гусельки яровчаты".
Скажет тебе царь морской:
"Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красной девушке?"
Говори ему таковы слова:
"У меня воля не своя во синем море".
Опять скажет царь морской:

"Ну, Садко, вставай поутру ранёшенько,
Выбирай себе девицу-красавицу".
Как станешь выбирать девицу-красавицу,
Так перво триста девиц пропусти,
А друго триста девиц пропусти,
И третье триста девиц пропусти;
Позади идёт девица-красавица,
Красавица девица Чернавушка,
Бери тую Чернаву за себя замуж.
Будешь, Садко, во Нове-граде.
А на свою бесчётну золоту казну
Построй церковь соборную Миколе Можайскому. -

Садко струночки во гусельках повыдернул,
Шпенёчки во яровчатых повыломал.

Говорит ему царь морской:
- Ай же ты, Садко новгородский!
Что же не играешь в гусельки яровчаты?

- У меня струночки во гусельках выдернулись,
А шпенёчки во яровчатых повыломались,
А струночек запасных не случилось,
А шпенёчков не пригодилось. -

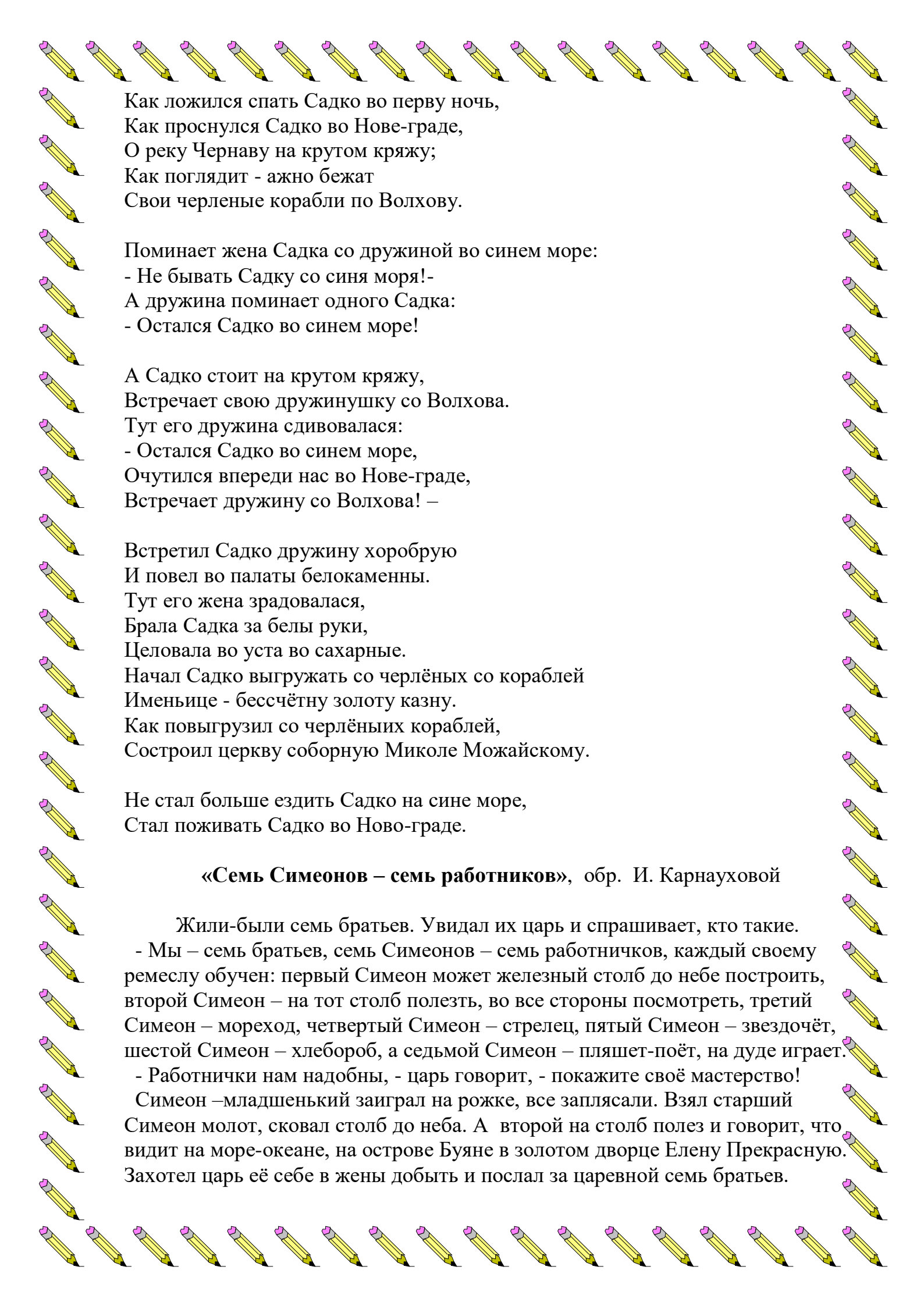
Говорит царь таковы слова:
- Не хочешь ли жениться во синем море? —

Говорит ему Садко новгородский:
- У меня воля не своя во синем море.-

Опять говорит царь морской:
- Ну, Садко, вставай поутру ранёшенько,
Выбирай себе девицу-красавицу. —

Вставал Садко поутру ранёшенько,
Поглядит: идет триста девушек красных.
Он перво триста девиц пропустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,
Красавица девица Чернавушка,
Брал тую Чернаву за себя замуж.

Как прошел у них столовань почестен пир.

Как ложился спать Садко во первую ночь,
Как проснулся Садко во Нове-граде,
О реку Чернаву на крутом кряжу;
Как поглядит - ажно бежат
Свои черленые корабли по Волхову.

Поминает жена Садка со дружиной во синем море:
- Не бывать Садку со синя моря!-
А дружина поминает одного Садка:
- Остался Садко во синем море!

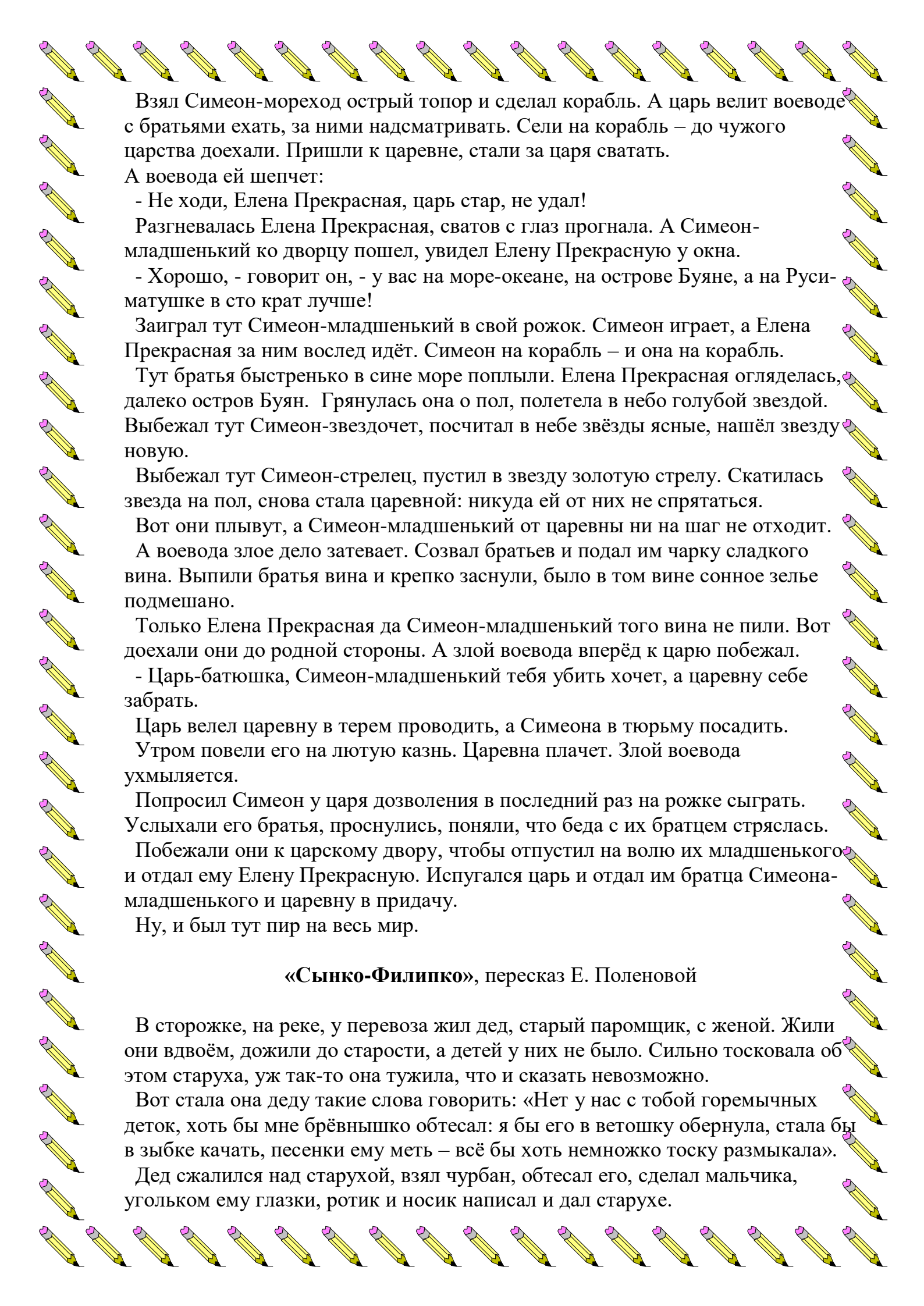
А Садко стоит на крутом кряжу,
Встречает свою дружинишку со Волхова.
Тут его дружина сдивовалася:
- Остался Садко во синем море,
Очутился впереди нас во Нове-граде,
Встречает дружину со Волхова! –

Встретил Садко дружину хоробрую
И повел во палаты белокаменны.
Тут его жена здравовалася,
Брала Садка за белы руки,
Целовала во уста во сахарные.
Начал Садко выгружать со черлёных со кораблей
Именьице - бессчётну золоту казну.
Как повыгрузил со черлёных кораблей,
Состроил церкву соборную Миколе Можайскому.

Не стал больше ездить Садко на сине море,
Стал поживать Садко во Ново-граде.

«Семь Симеонов – семь работников», обр. И. Карнауховой

Жили-были семь братьев. Увидал их царь и спрашивает, кто такие.
- Мы – семь братьев, семь Симеонов – семь работничков, каждый своему ремеслу обучен: первый Симеон может железный столб до небе построить, второй Симеон – на тот столб полезть, во все стороны посмотреть, третий Симеон – мореход, четвертый Симеон – стрелец, пятый Симеон – звездочёт, шестой Симеон – хлебороб, а седьмой Симеон – пляшет-поёт, на дуде играет.
- Работнички нам надобны, - царь говорит, - покажите своё мастерство!
Симеон –младшенький заиграл на рожке, все заплясали. Взял старший Симеон молот, сковал столб до неба. А второй на столб полез и говорит, что видит на море-океане, на острове Буяне в золотом дворце Елену Прекрасную. Захотел царь её себе в жены добыть и послал за царевной семь братьев.

Взял Симеон-мореход острый топор и сделал корабль. А царь велит воеводе с братьями ехать, за ними надсматривать. Сели на корабль – до чужого царства доехали. Пришли к царевне, стали за царя сватать.

А воевода ей шепчет:

- Не ходи, Елена Прекрасная, царь стар, не удал!

Разгневалась Елена Прекрасная, сватов с глаз прогнала. А Симеон-младшенький ко дворцу пошел, увидел Елену Прекрасную у окна.

- Хорошо, - говорит он, - у вас на море-океане, на острове Буяне, а на Русиматушке в сто крат лучше!

Заиграл тут Симеон-младшенький в свой рожок. Симеон играет, а Елена Прекрасная за ним вослед идёт. Симеон на корабль – и она на корабль.

Тут братья быстренько в сине море поплыли. Елена Прекрасная огляделась, далеко остров Буян. Грянулась она о пол, полетела в небо голубой звездой. Выбежал тут Симеон-звездочет, посчитал в небе звёзды ясные, нашёл звезду новую.

Выбежал тут Симеон-стрелец, пустил в звезду золотую стрелу. Скатилась звезда на пол, снова стала царевной: никуда ей от них не спрятаться.

Вот они плывут, а Симеон-младшенький от царевны ни на шаг не отходит. А воевода злое дело затевает. Созвал братьев и подал им чарку сладкого вина. Выпили братья вина и крепко заснули, было в том вине сонное зелье подмешано.

Только Елена Прекрасная да Симеон-младшенький того вина не пили. Вот доехали они до родной стороны. А злой воевода вперёд к царю побежал.

- Царь-батюшка, Симеон-младшенький тебя убить хочет, а царевну себе забрать.

Царь велел царевну в терем проводить, а Симеона в тюрьму посадить.

Утром повели его на лютую казнь. Царевна плачет. Злой воевода ухмыляется.

Попросил Симеон у царя дозволения в последний раз на рожке сыграть. Услыхали его братья, проснулись, поняли, что беда с их братцем стряслась.

Побежали они к царскому двору, чтобы отпустил на волю их младшенького и отдал ему Елену Прекрасную. Испугался царь и отдал им братца Симеона-младшенького и царевну в придачу.

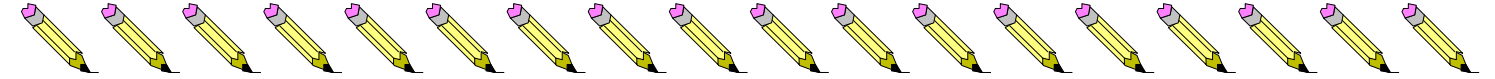
Ну, и был тут пир на весь мир.

«Сынко-Филипко», пересказ Е. Поленовой

В сторожке, на реке, у перевоза жил дед, старый паромщик, с женой. Жили они вдвоём, дожили до старости, а детей у них не было. Сильно тосковала об этом старуха, уж так-то она тужила, что и сказать невозможно.

Вот стала она деду такие слова говорить: «Нет у нас с тобой горемычных деток, хоть бы мне брёвнышко обтесал: я бы его в ветошку обернула, стала бы в зыбке качать, песенки ему меть – всё бы хоть немножко тоску размыкала».

Дед сжалился над старухой, взял чурбан, обтесал его, сделал мальчика, угольком ему глазки, ротик и носик написал и дал старухе.

Она обрадовалась, стала его пестовать да в зыбке качать, словно он живой. И так-то усердно она его качала, что он вдруг ожил и закричал, а потом стал расти, как настоящий мальчик.

Уж и рады были старики сыночку, назвали его Филиппом и стали его выращивать и выхаливать.

Растет сынко-Филипко, и отец с матерью на него радуются. Вырос сынко-Филипко, стал хороший, здоровый паренек.

Начал на реку ходить, рыбку удить. Потом стал к лодке привыкать, и так полюбилось ему это, что иной раз с рассветом уйдет, да так все вдоль речки ездит, рыбкой занимается. В полдень мать на берег придет, огонь разведет, навесит котелок, сварит кулешок, подойдет к речке и начнет его кликать: «Сынко-Филипко! По реченьке ездись, рыбушку ловишь, - ближе, ближе к бережку, похлебай кулешку».

Тогда сынко-Филипко причалит к берегу, выгрузит рыбу, отдаст её матери, сядет, пополдничает и опять за работу.

Раз как-то баба-Яга, костяная нога, подслушала, как мать Филипко звала. Захотелось ей Филипко хитростью изловить и себе ужин из него сготовить. Вот она села в ступу и покатила к тому берегу, где Филипко поблизости рыбу удил.

Едет баба-Яга, костяная нога, пестом погоняет, метлой след замечает. Приехала, развела костер, навесила котел, сама в ельник спряталась и закричала: «Сынко-Филипко, по реченьке ездись, рыбушку ловишь - ближе, ближе к бережку, похлебай кулешку!»

А Филипко ей отвечает: «Знаю, что это не моя матушка меня кличет; у моей матушки голос тонкий, а это вот какой грубый. Это ты, баба-Яга, меня обманываешь, ты меня съесть хочешь».

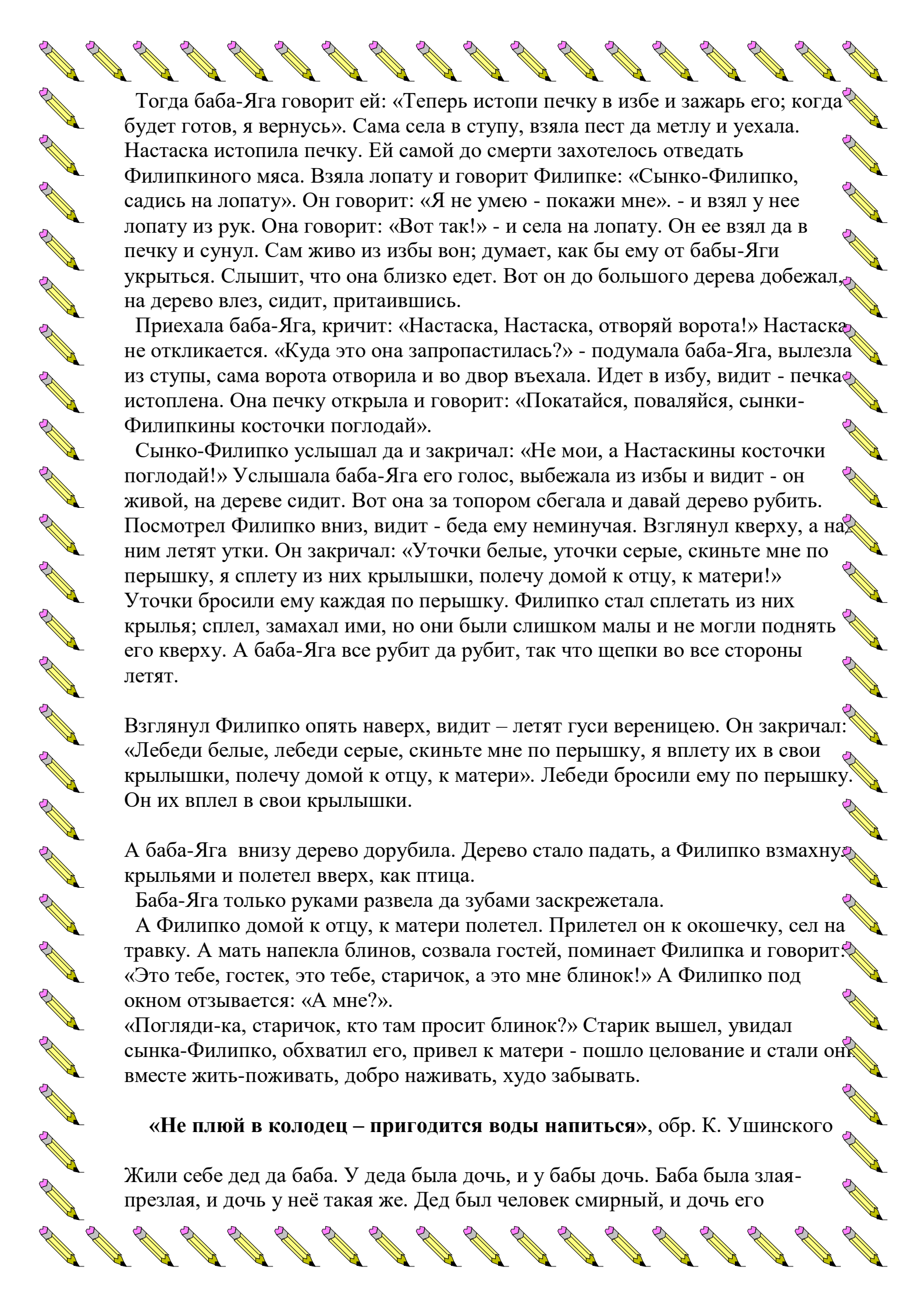
И не поехал к берегу. Так баба-Яга ни с чем домой вернулась.

На другой день, прежде чем к берегу ехать, она надумала пойти в кузницу, где кузнец лошадей ковал, и говорит ему: «Ковалек, ковалек, скуй мне новый язычок: мне нужен тонкий голосок». Кузнец сковал ей коротенький язычок, и сделался у бабы-Яги тонкий голосок.

Она с ним живо, живо к речке, всё приладила: и огонек, и котелок, и кулешок, и тонким голоском закричала: «Сынко-Филипко, по реченьке ездись, рыбушку ловишь, - ближе, ближе к бережку, похлебай кулешку!» Услыхал ее сынко-Филипко, подумал, что мать его кличет, и поехал на голос. Только выпрыгнул он на берег, баба-Яга из-за елки выскочила, когтями его ухватила, в ступу посадила и поехала с ним к своему двору. Подъехали. Баба-Яга кричит своей дочери: «Настаска, Настаска, отвориай ворота!» А Настаска была такая же ведьма и злюха, как сама баба-Яга. Въехала баба-Яга с Филипком во двор, говорит своей дочери: «Настаска, Настаска, топи баню жарко, жарко, мой Филипко бело, бело!»

Настаска докрасна истопила в бане печь, вымыла Филипку добела.

Тогда баба-Яга говорит ей: «Теперь истопи печку в избе и зажарь его; когда будет готов, я вернусь». Сама села в ступу, взяла пест да метлу и уехала. Настаска истопила печку. Ей самой до смерти захотелось отведать Филипкиного мяса. Взяла лопату и говорит Филипке: «Сынко-Филипко, садись на лопату». Он говорит: «Я не умею - покажи мне». - и взял у нее лопату из рук. Она говорит: «Вот так!» - и села на лопату. Он ее взял да в печку и сунул. Сам живо из избы вон; думает, как бы ему от бабы-Яги укрыться. Слышит, что она близко едет. Вот он до большого дерева добежал, на дерево влез, сидит, притаившись.

Приехала баба-Яга, кричит: «Настаска, Настаска, отвори ворота!» Настаска не откликается. «Куда это она запропастилась?» - подумала баба-Яга, вылезла из ступы, сама ворота отворила и во двор въехала. Идет в избу, видит - печка истоплена. Она печку открыла и говорит: «Покатайся, поваляйся, сынки-Филипкины косточки поглодай».

Сынко-Филипко услышал да и закричал: «Не мои, а Настаскины косточки поглодай!» Услышала баба-Яга его голос, выбежала из избы и видит - он живой, на дереве сидит. Вот она за топором сбегала и давай дерево рубить. Посмотрел Филипко вниз, видит - беда ему неминуемая. Взглянул кверху, а над ним летят утки. Он закричал: «Уточки белые, уточки серые, скиньте мне по перышку, я сплету из них крылышки, полечу домой к отцу, к матери!» Уточки бросили ему каждая по перышку. Филипко стал сплестать из них крылья; сплел, замахал ими, но они были слишком малы и не могли поднять его кверху. А баба-Яга все рубит да рубит, так что щепки во все стороны летят.

Взглянул Филипко опять наверх, видит – летят гуси вереницею. Он закричал: «Лебеди белые, лебеди серые, скиньте мне по перышку, я вплету их в свои крылышки, полечу домой к отцу, к матери». Лебеди бросили ему по перышку. Он их вплет в свои крылышки.

А баба-Яга внизу дерево дорубила. Дерево стало падать, а Филипко взмахнул крыльями и полетел вверх, как птица.

Баба-Яга только руками развела да зубами заскрежетала.

А Филипко домой к отцу, к матери полетел. Прилетел он к окошечку, сел на травку. А мать напекла блинов, созвала гостей, поминает Филипка и говорит: «Это тебе, гостек, это тебе, старичок, а это мне блинок!» А Филипко под окном отзывается: «А мне?».

«Погляди-ка, старичок, кто там просит блинок?» Старик вышел, увидал сынка-Филипко, обхватил его, привел к матери - пошло целование и стали они вместе жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

«Не плюй в колодец – пригодится воды напиться», обр. К. Ушинского

Жили себе дед да баба. У деда была дочь, и у бабы дочь. Баба была злая-презлая, и дочь у неё такая же. Дед был человек смирный, и дочь его

Машенька тоже девочка смирная, работящая, красавица.

Невзлюбила мачеха Машеньку и пристала к деду:

- Не хочу с Машкой жить! Вези её в лес, в землянку, пусть там прядёт - больше нарядёт!

Совсем заела мужика злая баба. Нечего тому делать: запряг он телегу, посадил Машу и повёз в лес. Ехали-ехали и нашли они в лесу землянку. Жаль старику дочери, да делать нечего! Дал он ей огниво, кремешок, труту, мешочек круп и говорит:

- Огонёк, Маша, не переводи, кашку вари, избушку прибери, а сама сиди да пряди; завтра я приеду тебя проведать.

Попрощался старик с дочерью и поехал домой. Осталась Маша одна, весь день прядла, а как пришла ночь, затопила печурку и заварила кашу.

Только что каша закипать стала, как вылезла из-под полу мышка и говорит:

- Дай мне, красная девица, ложечку кашки. Машенька досыта мышку накормила, а мышка поблагодарила её и спряталась. Поужинала Маша и села опять прядь.

Вдруг в самую полночь вломился медведь в избу и говорит Маше:

- А ну-ка, девушка, туши огонь, давай в жмурки играть! Вот тебе серебряный колокольчик: бегай да звони, а я буду тебя ловить. Испугалась Маша, не знает, что ей делать, а мышка вылезла из-под полу, взбежала девушке на плечо да в ухо и шепчет:

- Не бойся, Маша, туши огонь, полезай сама в печь, а колокольчик мне отдай. Маша так и сделала.

Стал медведь в жмурки играть: никак мышки поймать не может, а та бегаёт да колокольчиком звонит. Ловил медведь, ловил, разозлился, заревел и стал поленьями во все углы швырять: перебил все горшки и миски, а в мышку не попал. Пристал наконец медведь и говорит:

- Мастерница ты, девушка, в жмурки играть! За это пришлю тебе утром стадо коней да воз добра.

И ушёл. Поутру баба сама посылает деда в лес.

- Поезжай, посмотри, много ли твоя Машутка наярала!

Уехал старик, а баба села у окна и дожидается, что вот-де приедет дед, Машуткины косточки в мешке привезёт.

Сидит баба час, другой, слышит - что-то по дороге из лесу тарахтит, а шавка из-под лавки:

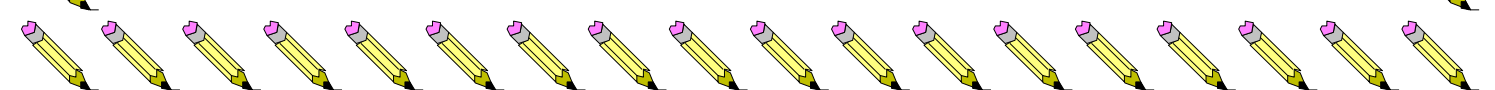
- Тяф-тяф-тяф! Со стариком дочка едет, стадо коней гонит, воз добра везёт.

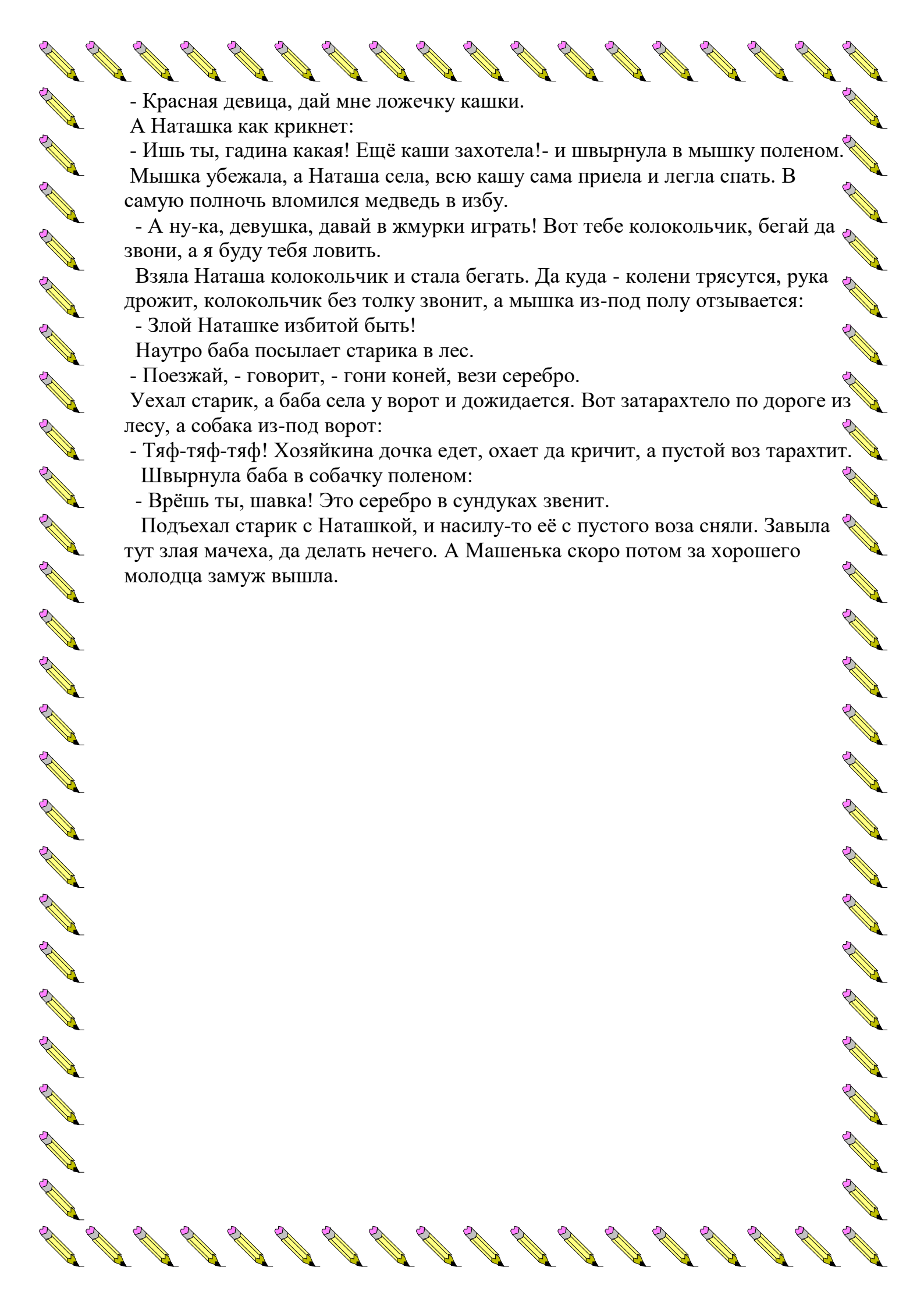
Крикнула баба на собачку:

- Врёшь ты, шавка! Это в кузове Машуткины косточки гремят. Но заскрипели ворота, кони на двор вбежали, а Маша с отцом сидят на возу - полон воз добра! Почернела тут баба от злости и говорит:

- Эка невидаль какая! Вези мою дочку в лес. Моя Наташка не твоей Машке чета - два стада коней пригонит, два воза серебра привезёт. На другой день дед отвёз бабину дочь в землянку и снарядил её всем, как и свою. Наташа развела огонь и заварила кашу.

Мышка выглянула из-под полу и просит:

- Красная девица, дай мне ложечку каши.

А Наташка как крикнет:

- Ишь ты, гадина какая! Ещё каши захотела!- и швырнула в мышку поленом.

Мышка убежала, а Наташа села, всю кашу сама приела и легла спать. В самую полночь вломился медведь в избу.

- А ну-ка, девушка, давай в жмурки играть! Вот тебе колокольчик, бегай да звони, а я буду тебя ловить.

Взяла Наташа колокольчик и стала бегать. Да куда - колени трясутся, рука дрожит, колокольчик без толку звонит, а мышка из-под полу отзывается:

- Злой Наташке избитой быть!

Наутро баба посылает старика в лес.

- Поезжай, - говорит, - гони коней, вези серебро.

Уехал старик, а баба села у ворот и дожидается. Вот затарахтело по дороге из лесу, а собака из-под ворот:

- Тяф-тяф-тяф! Хозяйкина дочка едет, охает да кричит, а пустой воз тарахтит.

Швырнула баба в собачку поленом:

- Врёшь ты, шавка! Это серебро в сундуках звенит.

Подъехал старик с Наташкой, и насилу-то её с пустого воза сняли. Завыла тут злая мачеха, да делать нечего. А Машенька скоро потом за хорошего молодца замуж вышла.